ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Среда, 10 марта 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 13 (649)

РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

Решения недавно закончившегося Пленума ЦК ВКП(б) имеют для всей нашей партии, всей страны огромное историческое значение.

Предстоящие выборы Верховного Совета СССР на основе новой Конституции — сталинской Конституции, записавшей и закрепившей огромные успехи социализма в нашей стране,— ставят важнейшие задачи перед всеми партийными организациями. Сталинская Конституция, как указывает резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова, «означает поворот в политической жизни страны. Существо этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в советы равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми».

Сталинская Конституция СССР утверждает невиданную нигде в мире социалистическую демократию, о которой прежде могли только мечтать лучшие умы человечества и которая стала у нас реальностью в результате побед социалистического государства рабочих и крестьян.

Огромны те политические перспективы, которые открывает введение новой избирательной системы. Эта система обеспечивает усиление контроля самих масс над работой советских органов, чрезвычайно усиливает и повышает ответственность перед массами избранных ими работников.

Резолюция Пленума ЦК ВКП(б) говорит:

«Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой, а, стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной».

Наша партия, которая всегда руководила трудящимися массами, возглавляла их борьбу за свое освобождение, вела их на фронтах гражданской войны, организовывала их в социалистическом строительстве, призвана теперь возглавить новый под'ем политической активности масс, под'ем и развертывание советского социалистического демократизма.

«Для этого требуется, — гласит резолюция Пленума ЦК ВКП(б), — чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивалась в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована».

Решения Пленума ЦК ВКП(б) ставят перед всеми партийными организациями задачу решительно устранить и ликвидировать недостатки, ошибки и извращения, обнаружившиеся за последнее время в работе партийных организаций, чтобы обеспечить все условия для работы по-новому, чтобы подготовить партийные организации к выполнению встающих перед ними задач в связи с выборами в Верховный Совет СССР и соответственным образом перестроить нашу партийно-политическую работу.

Широкое развертывание социалистической демократии в нашей стране предполагает всемерное усиление революционной бдительности. Советский Союз, победоносно построивший социализм и обеспечивший свободную и счастливую жизнь населяющим его братским народам, вызывает бешеную злобу со стороны капиталистических хищников, властвующих пока еще в других странах. Особенную кровожадную ненависть питает к нам мировой фашизм — эта самая яростная, самая жестокая и мракобесная диктатура капитала над трудящимися. Готовя войну против нас, фашизм стремится организовать в нашей стране свою агентуру, шпионаж, диверсии, стремится проникнуть своими гнусными щупальцами в жизненные узлы и центры нашей обороны, нашей промышленности и транспорта, чтобы вредить и парализовать их и теперь, и особенно в момент вооруженного нападения на нашу социалистическую родину. Внутри нашей страны фашизм насаждает агентуру в лице презренных изменников, предателей и врагов народа— троцкистов, зиновьевцев, правых отщепенцев. Эти кровавые бандиты и убийцы, наемники фашизма, прячась под маской омерзительного двурушничества, продавали нашу страну оптом и в розницу, замышляли ее расчленение и разгром, хотели обречь трудовые массы Союза ССР на поток и разграбление, на гнет и кабалу под ярмом капитала, готовили покушения на любимых вождей народа. Предательскую гнусную работу вели и главари правых — Бухарин и Рыков, которых Пленум ЦК ВКП(б) исключил из рядов партии.

Разоблачение презренных троцкистско-зиновьевских агентов фашизма и правых отщепенцев вскрыло, что их проникновение в те или иные поры нашего могучего и здорового социалистического коллектива всегда было связано с притуплением бдительности, с успокоенностью, благодушием, либерализмом, зазнайством и беспечностью в отдельных звеньях и органах советской власти, в отдельных партийных организациях. Отсутствие в них самокритики, недостаток контроля со стороны масс, обюрокрачивание руководителей, подхалимство, недостаточная связь с массами — вот те недостатки и извращения, в результате которых создается питательная среда для вражеских бактерий. Эти недостатки и извращения должны быть полностью уничтожены.

ЦК ВКП(б) вскрыл факты грубых нарушений устава партии и принципов демократического централизма в ряде партийных организаций. Эти нарушения, факты подмены выборности кооптацией и назначенством, факты отхода от выборности парторганов «наносят партии вред, так как они тормозят рост активности членов партии, лишают актив, имеющий особое политическое значение в жизни нашей партии, возможности участия в руководящей работе, лишают членов партии их законных прав контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушают правильные взаимоотношения между руководителями и партийными массами».

Пленум ЦК ВКП(б) потребовал от всех партийных организаций перестройки работы на основе полного осуществления внутрипартийной демократии, полного проведения в практике всей работы устава партии. Пленум обязал все парторганизации провести в жизнь ряд важнейших конкретных мероприятий, направленных к укреплению и развитию внутрипартийной демократии, в том числе, как одно из самых важнейших мероприятий, Пленум ЦК ВКП(б) установил закрытое (тайное) голосование кандидатов при выборах парторганов.

Эти решения Пленума, обеспечивающие работу парторганизаций по-новому, в новых условиях, безусловно явятся основой дальнейшего укрепления рядов нашей партии, еще более тесной, крепкой и гибкой связи ее с массами, поведут к дальнейшему укреплению и росту авторитета партии как вождя и организатора советского народа, обеспечат руководство партии в предстоящих выборах в Верховный совет СССР. Но для этого всем парторганизациям надо быстро и четко перестраиваться, надо споро и дружно взяться за работу.

Решения Пленума ЦК ВКП(б) имеют огромное непосредственное значение и для партийных организаций, об'единяющих писателей. Многие парторганизации писателей не могут похвастаться большими успехами в смысле укрепления своего влияния и авторитета в среде беспартийных писателей, далеко еще не достаточно охваченных их работой. Известно также, что еще не так давно некоторые парторганизации (в Москве, Ленинграде, Киеве и Ереване) были засорены презренными троцкистами и зиновьевцами, пролезавшими в писательские ряды, что разоблачение этих врагов народа вскрыло недостаток бдительности и самокритики в этих организациях. Об этих фактах «Литературная газета» уже не раз писала.

Очевидно, что предстоящие выборы парторганов, которые должны пройти до 20 мая, требуют от парторганизаций литераторов серьезной подготовки перестройки и под'ема всей их партийной работы на основе большевистской самокритики, развернутой внутрипартийной демократии и теснейшей связи с массами.

Информационное сообщение об очередном Пленуме ЦК ВКП(б)

На-днях закончился Пленум ЦК ВКП(б). Пленум обсудил вопрос о задачах партийных организаций в связи с предстоящими выборами Верховного Совета СССР на основе новой Конституции. Пленум принял соответствующую резолюцию, публикуемую ниже. Пленум обсудил далее вопросы хозяйственного и партийного строительства и принял соответствующие практические решения. Пленум рассмотрел также вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить их из рядов ВКП(б).

Подготовка партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР по новой избирательной системе и соответствующая перестройка партийно-политической работы

РЕЗОЛЮЦИЯ ПЛЕНУМА ЦК ВКП(б) ПО ДОКЛАДУ т. ЖДАНОВА, ПРИНЯТАЯ 27 ФЕВРАЛЯ 1937 г.

Введение новой Конституции Союза ССР означает поворот в политической жизни страны. Существо этого поворота заключается в проведении дальнейшей демократизации избирательной системы в смысле замены не вполне равных выборов в советы равными, многостепенных — прямыми, открытых — закрытыми.

Если до введения новой Конституции существовали ограничения избирательного права для служителей культа, бывших белогвардейцев, бывших людей и лиц, не занимающихся общеполезным трудом, то новая Конституция отбрасывает всякие ограничения избирательного права для этих категорий граждан, делая выборы депутатов всеобщими.

Если раньше выборы депутатов являлись не равными, так как существовали разные нормы выборов для городского и сельского населения, то теперь необходимость ограничения равенства выборов отпала, и все граждане имеют право участвовать в выборах на равных основаниях.

Если раньше выборы средних и высших органов Советской власти были многостепенными, то теперь, по новой Конституции, выборы во все советы от сельских и городских вплоть до Верховного Совета будут производиться гражданами непосредственно путем прямых выборов.

Если раньше выборы депутатов в советы производились открытым голосованием и по спискам, то теперь голосование при выборах депутатов будет тайным и не по спискам, а по отдельным кандидатурам, выдвигаемым по избирательным округам.

Наконец, Конституцией вводится всенародный опрос (референдум).

Эти изменения в избирательной системе означают усиление контроля масс в отношении советских органов и усиление ответственности советских органов в отношении масс.

Следствием введения всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. Тем самым диктатура пролетариата становится более гибкой, а, стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной.

Чтобы встретить этот поворот во всеоружии, партия должна стать во главе этого поворота и обеспечить полностью свою руководящую роль в предстоящих выборах верховных органов страны.

Готовы ли партийные организации к такого рода руководству?

Что требуется от партии для того, чтобы она могла стать во главе этого поворота, во главе новых, до конца демократических выборов?

Для этого требуется, чтобы партия сама проводила последовательную демократическую практику, чтобы она проводила до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, как этого требует устав партии, чтобы она сама имела необходимые условия, в силу которых все органы партии являлись бы выборными, чтобы критика и самокритика развивалась в полной мере, чтобы ответственность партийных органов перед партийной массой была полная и чтобы сама партийная масса была полностью активизирована.

Можно ли сказать, что все партийные организации уже готовы выполнить эти условия, что они уже перестроились полностью на демократический лад?

К сожалению, нельзя этого сказать с полной уверенностью.

Об этом говорит имеющаяся в некоторых организациях практика нарушения устава партии и основ внутрипартийного демократизма.

Каковы эти нарушения?

Выборность партийных органов, установленная уставом партии, в ряде организаций нарушена. Установленные уставом партии сроки выборов парторганов парторганизациями не соблюдаются. Широкое распространение получила ничем не оправдываемая практика кооптации различных руководящих работников в члены пленумов райкомов, горкомов, крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий.

Установленный уставом партии порядок утверждения вышестоящими партийными органами секретарей парткомитетов в ряде парторганизаций фактически превращен в назначенство. Утверждение секретарей парткомов нередко происходит до избрания их в местных парторганизациях, а это на практике приводит к тому, что местные парторганизации не имеют возможности обсудить кандидатуру рекомендуемого работника.

Утверждение на выборных должностях и снятие с работы часто происходит в порядке опросных решений парторганов и без рекомендации новых работников пленуму партийного комитета, а также без раз'яснения парторганизациям мотивов снятия того или иного партийного руководителя.

Что касается выборов парторганов, то все еще существует практика, в силу которой обсуждение списков кандидатов происходит лишь на предварительных совещаниях, советах старейшин, собраниях делегаций, причем, как правило, прения по кандидатурам на самых пленумах и конференциях не открываются, голосование производится списком, а не персонально, и, таким образом, выборная процедура превращается в простую формальность.

Все эти факты нарушения основ демократического централизма наносят партии вред, так как они тормозят рост активности членов партии, лишают актив, имеющий особое политическое значение в жизни нашей партии, возможности участия в руководящей работе, лишают членов партии их законных прав контроля над деятельностью парторганов и тем самым нарушают правильные взаимоотношения между руководителями и партийными массами.

Яркими примерами такой практики являются вскрытые ЦК ВКП(б) за последнее время факты вопиющей запущенности партийно-политической работы в Азово-Черноморском крайкоме, Киевском обкоме и ЦК КП(б)У и других парторганизациях, выражающиеся в грубых нарушениях устава партии и принципов демократического централизма в смысле отхода от выборности парторганов и введения нетерпимой практики кооптации.

Пленум ЦК ВКП(б) подчеркивает, что примеры неправильного руководства, вскрытые в Киевском обкоме и Азово-Черноморском крае, не единичны, а присущи в той или иной мере всем краевым и областным парторганизациям.

Пленум ЦК ВКП(б) считает, что ликвидация этих и подобных им недостатков является тем необходимым условием, без которого не могут быть выполнены новые задачи партии, возникшие в связи с фактом поворота в политической жизни страны, с принятием новой Конституции и с предстоящими выборами верховных органов страны на началах всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Необходимо, поэтому, перестроить партийную работу на основе безусловного и полного проведения в жизнь начал внутрипартийного демократизма, предписываемого уставом партии.

Пленум ЦК ВКП(б) считает необходимым осуществить и обязывает все парторганизации провести в жизнь следующие мероприятия:

1. Ликвидировать практику кооптации в члены парткомитетов и восстановить, в соответствии с уставом партии, выборность руководящих органов парторганизаций.

2. Воспретить при выборах парторганов голосование списком. Голосование производить по отдельным кандидатурам, обеспечив при этом за всеми членами партии неограниченное право отвода кандидатов и критики последних.

3. Установить при выборах парторганов закрытое (тайное) голосование кандидатов.

4. Провести во всех парторганизациях выборы парторганов, начиная от парткомитетов первичных парторганизаций и кончая краевыми, областными комитетами и ЦК нацкомпартий, закончив выборы не позже 20 мая.

5. Обязать все парторганизации строго соблюдать в соответствии с уставом партии сроки выборов парторганов: в первичных парторганизациях — 1 раз в год, в районных и городских организациях — 1 раз в год, в областных, краевых и республиканских — 1 раз в $1\frac{1}{2}$ года.

6. Обеспечить в первичных парторганизациях строгое соблюдение порядка выборов парткомов на общезаводских собраниях, не допуская подмены последних конференциями.

7. Ликвидировать имеющую место в ряде первичных парторганизаций практику фактической отмены общих собраний и подмены общего собрания цеховыми собраниями и конференциями.

Решения Пленума вооружают нас волей к победе

Пленум ЦК ВКП(б) дал решительные и ясные указания о большой перестройке партийной работы, и в этом смысле решения Пленума имеют огромное значение в жизни нашей партии.

Перестройка партийной работы касается и литературных организаций.

Возьмем пример Армении Бывший секретарь ЦК КП(б) Армении изменник Ханджян зажимал самокритику во всех парторганизациях Армении и в том числе — в союзе писателей. Несмотря на протест партийного актива, он самочинно назначил на руководящую работу в союзе писателей малограмотного и бездарнейшего писателя, лакея националистов Алазана.

Долгое время по воле Ханджяна союз писателей Армении возглавлял человек, не имевший никакого авторитета среди писателей и партактива, замаскированный дашнак-троцкист Д. Симонян. Несмотря на неоднократные разоблачения и протесты ряда партийных организаций и отдельных коммунистов, в рядах партии оставался, вплоть до своего ареста, заклятый враг советской власти дашнак-троцкист Аксель Бакунц.

Только вследствие зажима самокритики и притупления бдительности этой контр-революционной группе удалось играть руководящую роль в литературной организации Армении. Не считаясь с мнением писателей—коммунистов и беспартийных, они назначали на литературную работу своих людей, снимали с работы и дискредитировали тех членов партии, которые разоблачали националистов в литературе.

Выборность руководящих органов и руководителей из практики союза писателей Армении была изгнана.

Решения Пленума ЦК ВКП(б) создают все необходимые условия для широкого развертывания работы партийной организации союза писателей и активизации всех коммунистов. Тайное голосование поднимет ответственность каждого большевика Оно поднимет авторитет партийных руководящих органов.

Решения Пленума — острое оружие в руках каждого большевика против врагов партии, против врагов народа против бюрократов и лентяев, против политиканов и подхалимов, против тех, которые не хотят работать.

Решения Пленума ЦК ВКП(б) — документ, означающий великий рост мощи и авторитета нашей партии. Эти решения наполняют сердце большевика чувством гордости и счастья, волей к работе.

Н. ЗАРЬЯН

Программа повседневной работы

Союз писателей Казахстана об'единяет около 70 литераторов. При союзе писателей Казахстана находится Казахское издательство художественной литературы, которое в 1937 году выпустит более 200 названий книг на казахском языке.

На содержание аппарата союза казахских советских писателей и трех его органов (одной газеты и двух журналов) правительство отпускает 580 тысяч рублей; смета отделения Литфонда Казахстана на 1937 год утверждена в сумме 320 тысяч, из которых 200 тысяч рублей идут на строительство дома отдыха для писателей в Алма-Ата.

Эти цифры свидетельствуют о том, что литературное дело в Казахстане стало огромным культурно-политическим явлением. Руководить по-настоящему литературным движением партийная часть писательской общественности сумеет лишь при условии серьезной перестройки своей работы на основе последних решений партии.

В настоящее время в союзе писателей не все обстоит благополучно. Вследствие непартийного отношения к своим обязанностям отдельные члены партии допускали грубые политические ошибки. Казахское издательство художественной литературы выпустило книгу троцкистки Серебряковой «Юность Маркса», однотомник дореволюционного писателя Торайгирова, где помещены антисоветские стихи. Это не единственный случай. В писательской среде до последнего времени находились такие враги народа, как Мамедова. Конратбаев. Валиахмедов.

Массово-воспитательная работа у нас в союзе писателей не стояла на должной высоте. Плохо работали политические и литературные кружки, они не имели даже программы занятий. Творческие вечера, обсуждения новых произведений писателей почти никогда не проводились; многие писатели работали замкнуто оторванно от организации

Партийная группа писателей не всегда оказывалась на передовых позициях идеологического фронта она кое-где проглядела врага и дала ему возможность протаскивать антисоветские идейки в нашу печать

Решение Пленума ЦК ВКП(б) с замечательной ясностью указало путь, идя по которому мы устраним недостатки и ошибки в работе парторганизации. Глубокое изучение и осмысление решений Пленума является отправным пунктом для дальнейшего роста литературы и ее кадров.

САБИД МУКАНОВ.

За большевистскую перестройку работы

Партийное собрание в Гослитиздате

7 марта в Гослитиздате состоялось общее партийное собрание, на котором была обсуждена резолюция Пленума ЦК ВКП(б) по докладу т. Жданова.

Все выступавшие товарищи: Накоряков, Ковнатор, Кантор. Безруких, Чернявский, Клейменов, Костицын и др. говорили об огромной исторической важности этого решения и вскрывали недостатки работы своей партийной организации.

Партком в Гослитиздате не переизбирался два с половиной года.

За это время партком отчитывался перед общим собранием только по отдельным видам своей деятельности (по вопросам воспитательной работы, руководства творческой работой и т. п.); ни разу не была подвергнута критике вся деятельность парткома.

Даже выборы секретаря, состоявшиеся несколько месяцев тому назад, прошли без заслушания отчета предыдущего секретаря. Такая практика не могла способствовать повышению активности партийцев.

Выступавшие в прениях отмечали, что самокритика в Гослитиздате не развернута достаточно активно и остро.

Многие работники ограничивают самокритику пределами своего сектора. Они не поднимают принципиальных вопросов, касающихся работы всей организации, их критика малоконкретна.

На собрании указывалось также и на некоторый разрыв, существующий между редакторами-коммунистами и редакторами-беспартийными.

Беспартийные работники были предоставлены самим себе, коммунисты не вели воспитательной работы среди редакторов.

В своей резолюции собрание горячо приветствует решение Пленума ЦК ВКП(б) и обещает принять все меры к тому, чтобы как можно скорее воплотить в жизнь директивы исторического пленума.

И. К.

Писатели—активные деятели советской демократии

С глубокой и живой радостью хочется светло и открыто приветствовать новое решение пленума ЦК ВКП(б).

С особенной яркой гордостью хочется всем сказать, еще раз сказать, еще раз повторить: я — гражданин Советского Союза.

В этом утверждении, таком как будто обычном и привычном, с каждым новым днем нашей жизни находишь новое, радостное содержание.

Мне хочется в каком-то коротком движении мысли, и воли, и чувства обратиться к нашему будущему, страшно хочется войти в него скорее, увлечь за собой других, хочется работать, творить, жадно хочется реализовать небывало прекрасные наши возможности.

Ощущение моей связи с партией, ощущение моего гражданского и человеческого, политического и нравственного единства с ней давно затушевало и нивелировало звучание слова «беспартийный». И поэтому решения, подобные решению последнего пленума, принимаешь как решения моей партии, моего коллектива, моей страны. И я глубоко горжусь тем, что в его подготовке есть и моя доля, есть участие и моей работы, и моей страсти, и моей мысли.

В такие дни, как сегодня, в особенности ревниво стремишься пересмотреть обстановку своего ближайшего дела, стремишься проверить, не плетемся ли мы позади других. Союз советских писателей, к сожалению, не может похвалиться хорошим местом в ряду советских боевых организаций.

Крайне необходимо, срочно необходимо что-то изменить в стиле нашей работы. Последнее решение пленума должно стать крепким основанием для каких-то принципиальных сдвигов.

Мы совершаем в нашей чудесной социалистической стране великого значения дело — мы, писатели, а между тем в нашем союзе, призванном об'единить и направить художественное творчество целых поколений, так мало еще отразились достижения советской демократии, так много еще наш союз походит на «департамент» литературы, и масса писательская так слабо втянута в его работу.

В этом виноваты, конечно, прежде всего сами писатели, но я думаю, что руководство союза обязано помочь нам «осознать» свою вину, расшевелиться, ближе стать друг к другу, лучше и острее почувствовать нашу коллективную ответственность перед страной, горячее и энергичнее, искреннее и откровеннее сказать о наших ошибках, о нашей неповоротливости, уединенности, иногда излишней гордости, иногда излишнем малодушии.

Мы должны стать настоящими, активными деятелями советской демократии и прежде всего в нашем собственном, таком большом, исключительно важном деле.

В практике такой демократии страшно нужно и важно, чтобы партийные организации союза ближе стали к беспартийным массам писателей, чтобы марксистско-ленинская философия, так необходимая в нашей работе, через партийные ряды наших товарищей сделалась предметом особенного нашего внимания, нашей работы над собой.

При этом я убежден, что в среде писателей — не-членов партии найдется очень много активных и энергичных людей, способных принять полезное участие в руководящих органах нашего союза, и их участие еще больше сблизило бы наши ряды, обеспечило бы развитие у нас настоящей демократии.

А. МАКАРЕНКО.

Автопортрет Т. Г. Шевченко (Офорт).

Н. БЕЛЬЧИКОВ

Революционная легенда о Тарасе Шевченко

Т. Г. Шевченко, получив вольную в 1838 году и попав в Академию Художеств, писал, что он «из грязного чердака, — ничтожный замарашка — на крыльях перелетел в волшебные залы Академии». Так же из простого казачка и батрака он в силу благоприятных социально-политических обстоятельств, в годы под'ема освободительного движения (50—60 гг.) вырос в революционно-демократического поэта и политического борца.

Революционные требования крестьянства того времени Шевченко отобразил в поэзии и боролся за них, как пропагандист-революционер.

Петрашевцы высоко ценили в Шевченко агитатора и приветствовали его попытку поднять восстание на Украине. После ссылки Шевченко в Оренбургский край (в 1847 году), его имя приобретает в кругах радикально настроенной молодежи ореол борца с тиранией и произволом. Н. Г. Чернышевский указал на исключительную политическую прозорливость Шевченко, разоблачившего в стихах узкоклассовое корыстолюбие панства и показавшего неустранимый антагонизм интересов панства и крепостного закабаленного крестьянства. Сподвижник царя, начальник корпуса жандармов Л. В. Дубельт писал Николаю, что «стихи Шевченко вдвойне вредны и опасны».

В наши руки попал документ, где описан факт жестокой расправы деспота Николая с революционером 60-х годов. Автор этого мемуара — Эраст Петрович Перцов говорит, что речь идет о Шевченко. Однако, ни один из известных трех арестов Шевченко — в 1847, 1850 и 1857 гг. — не подходит на случай, о котором говорит нам мемуарист.

Но мемуарист заслуживает доверия. Э. П. Перцов, арестованный по доносу за сношения с Герценом и сосланный за свои революционные воззрения, от надежного лица слышал, как видно из его бумаг, записанный им в 1861 году рассказ об аресте Шевченко. Э. П. Перцов, по всей вероятности, готовил его для «Колокола» Герцена.

Приводимый документ не может оставить равнодушным современного читателя. Жестокость, трусость и отвратительный облик царя и его сатрапов возбуждают справедливое негодование и гнев. Здесь мы печатаем отрывок из воспоминаний Э. П. Перцова.

«Государь Николай I об'явил Огареву, что посылает его в Гродненскую губернию арестовать поляка Шевченко[1] и привезти его в Петербург, прямо в Алексеевский редут Петропавловской крепости.

Государь говорил ясно, определительно и отчетливо указывал на меры при всяком возможном случае и с удивительною проницательностью исчислял все вероятности; никакой опытный полицейский сыщик не мог бы дать лучшего наставления полицейскому новичку. В заключение государь подошел почти вплоть к Огареву, уставил на него свои словно выпученные (первоначально: оловянные бешеные) глаза с лицом свирепым и тыкая пальцем в воздух прямо перед его носом, сказал: «но ты у меня смотри. Если не исполнишь, если обманешь меня...».

Далее Огарев уже не мог ничего рассказывать от обуявшего его страха. — Огарев, мужчина рослый, 2¾ вершков, атлетической силы и одаренный веревками вместо нерв (sic): по крайней мере, во всю свою остальную жизнь не мог он припомнить последних слов Николая Павловича. Помнил он только (общий их смысл), что государь настоятельно велел ему употребить все возможные меры, чтобы арестант во всю время поездки ни о ком не говорил ни слова. «Если он хоть одно слово окажет, застрели его или ты будешь виноват», — это высочайшее повеление глубоко врезалось в память Огарева и звучало в ушах его во всю дорогу.

Под'езжая к Гродно (первоначально: приехав в Гродно), Огарев переоделся в партикулярное платье и также переодел жандарма, которого посадили ему на козлы при выезде из Петербурга, почти у самой заставы.

Ему легко было арестовать Шевченко. Он вошел к нему в дом поздно ночью под чужим именем и под предлогом передать ему секретное письмо от одного из бежавших за границу поляков. Он успел вслед за камердинером пробраться прямо в спальню, застал несчастного в постели, и тот, оторопелый, испуганный внезапным пробуждением, не стал сопротивляться. Но не легко было запретить арестанту не произносить ни слова. Разумеется, всякий другой на месте Огарева подумал бы, что среди дороги, при скачке сломя голову, никакому деспоту нет возможности удостовериться, говорят или молчат два человека, сидящие рядом в закрытой коляске, а на станциях Шевченко, оберегая себя, и сам не произнес бы ни слова. Не таков Огарев; он воспитан в школе Николая и пронизан духом его учения. Ему мало исполнить высочайшее повеление: надобно еще исполнить его во вкусе Николая, со всеми замашками тирании и выказать при этом как можно более бесчеловечия. Что же он придумал? Не давая Шевченко опомниться от страха в первые мгновенья ареста, он приставил к груди его пистолет и об'явил ему, что при произнесении малейшего слова, даже при первом вздохе он будет убит, и в то же самое мгновенье он сажает его в телегу, заранее приготовленную и нарочно выбранную с самым коротким ходом, без подушек, без сена и соломы, садится рядом с ним, жандарму приказывает ехать в коляске вперед для заготовления лошадей на станциях и прямо с места скачет во весь опор, не переводя духа. Проскакав таким образом верст двести, Огарев сажает на свое место жандарма рядом с арестантом, а сам, для отдохновения, пересаживается в рессорную коляску и заготовляет на станциях лошадей. Шевченко пришел в совершенное изнеможение; тряская, мучительная езда перевернула все его внутренности; душа была потрясена внезапностью, а тело пришло в совершенное изнеможение, тем более, что все подробности ареста были наперед тирански рассчитаны. Шевченко арестован в глубокую ночь, сонный и голодный, сначала обрадован ожидаемым известием от своего друга, и вслед за тем поражен неожиданною вестью неожиданного ареста и внезапным посягательством на жизнь, а потом еще более растерзан безостановочною пыткою в тряской телеге. По прошествии двух суток Шевченко уже в буквальном смысле не имел сил произнести ни одного слова, хотя бы и хотел, он даже едва переводил дыхание. Тогда, оберегая жертву Николаю Павловичу, Огарев пересадил Шевченко в коляску, в которой и совершил с ним остальную дорогу. Он передал его в Алексеевский редут расслабленного, изнеможенного и с минуты ареста, действительно, не произнесшего ни одного слова. Высочайший приказ был превосходно исполнен.

Ныне Огарев подвизается в звании генерал-ад'ютанта».

[1] Первоначально было написано Шевченко; затем зачеркнуто штрихами.

Памяти Т. Г. Шевченко

(От нашего киевского корреспондента)

Украинский народ чествует память своего великого поэта-революционера Тараса Григорьевича Шевченко, в связи с исполняющейся 9 марта 123-й годовщиной со дня его рождения и 10 марта — 76-летием со дня его смерти.

На предприятиях и в колхозах память гениального поэта отмечается литературными вечерами, выставками, лекциями о его жизни и творчестве. Колхозные коллективы самодеятельного искусства подготовили произведения поэта, организуют коллективные чтения.

Во всех школах Киева годовщина отмечается вечерами и литературными утренниками.

Госиздат УССР выпустил второй том полного академического собрания произведений Т. Г. Шевченко под редакцией В. П. Затонского и А. А. Хвыли. Избранные произведения великого украинского поэта выходят на еврейском языке в переводе крупнейшего еврейского поэта Д. Гофштейна.

В г. Горьком, где Тарас Шевченко в 1857 г. на несколько месяцев был задержан полицией при возвращении из ссылки, научный работник Института украинской литературы им. Шевченко нашел ряд ценных документов: письма Шевченко, два его автопортрета и др.

Украинская картинная галлерея в Харькове открывает новый зал — «Шевченко после ссылки 1858—1861 гг.».

Взят под музей небольшой одноэтажный дом в Киеве, в быв. Крещатиком пер., где в комнате-мезонине жил в 1846 г. Т. Г. Шевченко.

В музее собраны картины, рисунки, репродукции с картин Т. Г., его дневники.

И. МАР

А. ЭРЛИХ

ЖЕНЩИНА

Село называлось — Страхово. Где оно расположено и как к нему пробраться? Известно было лишь, что надо ехать ранним поездом с Курского вокзала до станции Тарусская, а там уже видно будет: может быть, машиной из райкома, может быть, с попутчиками-крестьянами...

В этот день я получил письмо из далекого и почти забытого городка, полного каштанов и акаций. К письму приложена была фотографическая карточка: молодая женщина в белом халате держит на руках спеленутую обезьянку. Я понял, что мои друзья на Северо-кавказской противочумной станции получили наконец, подопытных животных из Сухуми. В прошлом году весной Магдалина Покровская проверила результаты своих многолетних опытов над чумной бациллой и привила себе огромную дозу заготовленной культуры. Специальная комиссия наблюдала за состоянием ее здоровья. Протоколы комиссии и множество снимков запечатлели последовательный ход героического опыта. Теперь у молодой ученой есть обезьяны. Она хочет не только предупреждать болезнь, но и лечить от нее — ищет сыворотку.

Стучит поезд. Я дважды перечитал письмо и без устали рассматривал фотографию. Улыбается женщина в докторском халате, и обезьянка блаженствует, довольная, что попала в такие ласковые, талантливые, трудолюбивые руки.

В вагоне громко поют девушки — «От Москвы до самых до окраин, с южных гор...».

— Простите, скоро будет Тарусская, вы не знаете? — спрашивает одна из них.

Я отвечаю, что где-то за Серпуховым и что мне туда же.

— А простите, село Страхово, вы не знаете, это далеко от станции?

— Мне туда же! — повторяю я, и сразу шумный хор смолкает, хор с надеждой смотрит на меня, и я вынужден огорчить молодежь: — Но где именно, не знаю.

«Хороша страна моя родная...» — снова оглушительно поют все двадцать девушек. После выяснилось, что все они из метро. Все они едут в дом отдыха где-то возле Страхова. Я спрятал письмо и карточку Магдалины Покровской, замечательные работы которой в области микробиологии получили широкую известность не только у нас, но и за границей. Ей давно уже присуждено звание профессора, но она все еще именует себя доктором. Не из скромности только, а для удобства. В вагоне трамвая она увидела однажды мальчугана в берете с толстым помпоном и ей непреодолимо захотелось ухватиться за помпон и поиграть с мальчишкой. «Доктору это — куда ни шло, а профессору никак нельзя, неудобно» — об'ясняла, смеясь, молодая женщина.

На станции Тарусской выяснилось, что до села Страхова еще километров 15. Машиной туда не пробраться — овраги, речки без мостов с ненадежным льдом, но с хорошо известными переходами вброд, слишком узенькие лесные тропы...

— Погодите до сумерек. Туда поедет учительница одна. Ей в тамошнем колхозе доклад делать про Пушкина, — посоветовали в райкоме.

Я ожидал свою будущую спутницу в хатенке с вывеской «Парткабинет». За окнами сыпал снег. Сумерки наступили рано — еще учительница не покончила своих дел в школе, еще не начала работать кустарная электростанция, и заведующая парткабинетом зажгла штук пять керосиновых ламп, еще конюх райкома хлопотал о соломе нам в розвальни, под ноги, чтобы надежнее укрыться от ветра и мороза в поле.

Мало-по-малу парткабинет наполнился людьми. Собрался кружок текущей политики. Заведующая парткабинетом, она же лектор, сказала:

— Товарищи, сегодня заочные курсы по радио начнутся в 6 ч. 15 м., а пока мы займемся темой о троцкистско-зиновьевских бандитах как о головном отряде капиталистической реставрации. Товарищи, припомним с вами известное письмо товарища Сталина в журнал «Пролетарская революция». О чем он писал? Он писал, товарищи, что...

Она поднялась со стула. Она энергично жестикулировала, и тени от взмахов руки ее грозно метались по комнате...

2

— Не замерзнуть бы вам в пальтишке. Вы совсем по-городскому! — обратилась ко мне обширная женщина в гигантском тулупе, туго стянутом кушаком. — Поехали, что ли?

Уже было темно. Учительница в тулупе бережно укрыла мне ноги какой-то рваньем и соломой. В поле, по ту сторону первых оврагов, моя спутница вдруг засуетилась при виде внезапно возникшей и также вдруг исчезнувшей фигуры лыжника.

— Э! — закричала она, тяжело ворочаясь в своем тулупе и торопливо освобождая лицо от непомерного воротника. — Котлетки на загнетке! Ми-тя-а!.. — напрасно кричала она: конь бежал быстро, снег сыпал, и лыжник растворился бесследно. — Муж, — об'яснила учительница, успокаиваясь и усаживаясь с прежними удобствами. — Ничего, захочет кушать, сам найдет.

Под'езжая к Страхову, на берегу речушки, сверкавшей от воды поверх льда, мы встретили ораву ребятишек. С гиканьем и воплями они облепили нас, лишь только конь зашлепал копытами по воде. Конь рванулся от криков и в единый миг перенес на тот берег. Ребятишки давно поджидали подходящего случая для переправы, направляясь туда же, в Страхово, в избу-читальню, где сегодня доклад о Пушкине и пушкинский спектакль.

Зрители-колхозники давно собрались. За занавесом, подвешенные в ряд к потолку, светили лампы. Одна из них, временно из'ятая из жестяного круга, выставлена была по сю сторону занавеса, на авансцену, для освещения зала. Моя величественная спутница торопливо разоблачалась, скинула тулуп, потом пальто, потом шаль и на глазах преобразилась в маленькую и тоненькую женщину с ласковым взглядом.

Доклад о великом создателе русского литературного языка, вдохновенная повесть о жизни, творчестве, борьбе и гибели великого художника заняли больше часа, но никого не утомили.

Меж тем за кулисами председатель ревизионной комиссии колхоза «Спартак» гримировался дружкой на княжеской свадьбе, колхозный кузнец обулся в сафьяновые расписные сапожки и охорашивался в княжеском парчевом кафтане, избач прилаживал седую бороду и встрепанный парик трагического мельника, а девушки-колхозницы в сарафанах готовились к исполнению ролей мельниковой дочери, княгини, мамки, свахи, подружек, русалок.

Колхозный драмкружок, руководимый О. Поленовой, дочерью знаменитого художника, подготовил к столетию со дня гибели великого поэта «Русалку».

Скоро чудесные стихи зазвучали в тишине. Покинутая князем дочь мельника говорила:

Ох, душно!
Холодная змея мне шею давит...
Змеей, змеей опутал он меня,
Не жемчугом.

И гнев, и горечь, и страсть, и боль ее разделяли зрители в избе-читальне, с волнением внимая звучным строкам:

Вот венец мой,
Венец позора! вот, чем нас венчал
Лукавый враг, когда я отреклася
Ото всего, чем прежде дорожила.
Мы развенчались. Сгинь ты, мой
венец!

И гибнет девушка, бросаясь в Днепр, вслед за кинутым туда же подарком князя...

3

Поздно ночью О. Поленова повезла меня с собой за четыре километра в дом отца своего, в большой дом-музей, где хранятся многочисленные эскизы и картины покойного художника. Она рассказывала мне о своей многолетней работе. Колхозный драмкружок поставил уже много пьес, в том числе «Бориса Годунова», «Скупого рыцаря», инсценировку лесковского «Тупейного художника». Колхозники любят свой театр и трогательно заботятся о нем. В кружке выросли и воспитались замечательные люди. Они много читают, жадно учатся. Один знает наизусть чуть ли не все стихи Пушкина, другой страстно любит Некрасова...

— Вам холодно? — вдруг прервав, спросила она. — Сейчас приедем.

— Нет, ничего, нисколько, — успокоил я, ибо и в самом деле не холод испытывал я в ту минуту, качаясь в розвальнях под морозными звездами, а тот холодок, движущийся мурашками по спине, который рождается лишь глубокой и горячей взволнованностью.

Многообразны силы, вызванные революцией к действию. И одна из самых могучих, самых ощутимых сил — женская энергия, творческое соучастие в социалистическом строительстве женщин, впервые получивших и полную свободу и полное равенство. Шумные строительницы метрополитена, заведующая парткабинетом, учительница, актриса, профессор, освобождающий человечество от грозной чумы, — можно ли найти такой участок, на котором советская женщина не прославляла бы своей родины вместе с мужчиной и наравне с ним?

На рассвете из колхоза прибыл за мной старичок-конюх, чтобы везти на станцию. С ним был тулуп для меня. Он напевал на меня тулуп, вздыхая и причитая, не переставая ворчать и укорять всех легкомысленных городских людей:

— Разве ж можно так? Этакие стрикулисты, понятия не имеют, а? А мы вот так, да покруче, да потуже, да покрепче...

Я с трудом выглядывал из-за высочайшего и пышнейшего воротника в поисках гостеприимной хозяйки. Хозяйка принимала в эту минуту почту. Старуха, плотно укутанная в шаль, принесла утреннюю почту из ближнего, расположенного в трех километрах, пункта.

— Что же ты, бабка Алена, к нам на спектакль не пришла? — спрашивала О. Поленова.

— А у нас то же самое постановочка была Пушкина, — благодарно кланяясь, отвечала бабка Алена. — Вот только названия не упомню. Там, значит, одна все намеревается с кинжалом и говорит «Отдай», говорит, «потому он мой, отдай и отдай».

— «Бахчисарайский фонтан»?

— Фонтан, милая, фонтан! — засияв всеми морщинами, вспомнила бабка.

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ

Подхалимство и беспринципность вместо критики

На 4-м пленуме ССП украинский писатель Кириленко жестоко раскритиковал деятельность органа правления ССП Украины «Літературна газета». Тов. Кириленко указал, что характернейшей чертой этой газеты является полное отсутствие самокритики, принципиальности, понимания задач, стоящих перед советской литературой.

Аналогичную оценку всей практики «Літературна газета» дает и орган ЦК КП(б)У «Коммунист» от 23 февраля в обзоре печати под названием «Кривое зеркало».

«Коммунист» отмечает, что «Літературна газета» не выполнила ни одного из данных ею своевременно обещаний — покончить с верхоглядством в критических оценках художественных произведений, развернуть серьезную и глубокую творческую дискуссию, систематически отмечать новые явления в литературе и т. д. и т. п. До сих пор серьезная критическая оценка подменяется куцыми аннотациями, до сих пор газета не знает удержу в захваливании низкокачественных произведений и в превозношении весьма посредственных писателей.

«Коммунист» особо отмечает неудовлетворительность того отдела в «Літгазете», в котором даются высказывания читателей о книгах. Как правило, высказывания эти носят чрезвычайно положительный характер, ибо об'ектом их является действительно лучшие произведения украинских писателей. Но почему никогда не появляются в «Літгазете» отзывы читателей о плохих книгах?

«Разве мало у нас серых, однотцветных, скучных книжек? — спрашивает газета «Коммунист». — Неужели их читатель не оценивает, неужели относительно них он не высказывает своего мнения? Почему же это критическое слово не нашло отражения на страницах газеты?»

Говоря о подхалимской, угодническую политике редакции «Літгазеты» и ее редактора т. Тардова в отношении руководства ССП, «Коммунист» отмечает следующий возмутительный факт: бывший председатель правления ССП Украины, ныне разоблаченный враг народа, от'явленный троцкистско-фашистский агент Сенченко как-то решил «осчастливить» советскую литературу и написал «пьесу»; услужливая «Літературна газета» пришла в дикий восторг по этому поводу и стала раболепно расписывать несуществовавшие достоинства этого бездарного опуса. В то же время эта газета ухитряется не замечать тех подлинных художников, которые действительно двигают вперед украинскую советскую литературу, и либо совершенно замалчивает их произведения, либо ограничивается беглыми, мало обоснованными и неквалифицированными замечаниями.

В заключение «Коммунист» подчеркивает, что «Літературна газета» не сумела извлечь нужные уроки из последних политических событий и ничего не делает для об'единения всех творческих литературных сил вокруг серьезных задач, выдвигаемых обстановкой.

Испанская писательница Мария-Тереса Леон с дочерью Долорес Ибаррури — Амаией во втором интернациональном детском доме.

Декада карельского искусства в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Ленинграде с огромным интересом ожидают начала декады карельского искусства. Для участия в декаде из Карелии приезжают свыше 450 человек.

Ленинградцам будут показаны спектакли карельского национального театра под руководством Рагнара Нюстрем. Один из спектаклей — драма «Кулерво», написанная А. Киви на мотивы «Калевалы». Другой спектакль — «Слуга двух господ» Гольдони.

В концертах примут участие национальные хоры рабочих и колхозников, ансамбль кантелистов (кантеле — народный карельский инструмент, напоминающий гусли), республиканский симфонический оркестр и т. д.

Из Карелии приезжают также известные сказители былин и исполнители рун «Калевалы»: Петр Рябинин, Федор Конюшков, Мария Ремсу, Мавра Хотеева и др. Они прекрасно исполняют старинные карельские былины и сказки и новые произведения народного эпоса — о Ленине, Сталине, Ворошилове, Чапаеве.

В декаде примут участие и писатели Карелии во главе с народным поэтом Ялмари Виртаненом.

Декада карельского искусства открывается 10 марта в большом зале академической Филармонии.

Господин Хазе и его пресса

Мелкий буржуа, которого германскому фашизму не так давно удавалось заманить на улицы, митинги и парады, устал и изверился. Он начинает понимать, что фашистский режим не принес и не принесет ему ни политических, ни материальных выгод. Он зарывается поглубже в свою норку, подальше от барабанов и тромбонов, подальше от фашистской политики.

Пассивное сопротивление германского обывателя часто находит свое выражение в бегстве не только от политики, но и от фашистской идеологии — театра, литературы, газеты. Явление внутренней эмиграции распространено так широко, что в борьбе с ним газетная реклама изобрела «Господина Хазе» — типическую фигуру обывателя, мелкого буржуа, которого всяческими уловками фашистская пресса пытается удержать в своему плену. (Хазе по-немецки — заяц).

В течение всего 1936 года почти во всех фашистских газетах, рекламных фильмах и еженедельниках фигурировал Хазе. Чего только не случалось с этим «бедным Макаром» «Третьей империи», чем только ни запугивали его! И штраф ему приходилось платить из-за того, что он, не читая газет, во-время не уплатил нового налога; и обкрадывали его, потому что он во-время не купил патентованного дверного замка, о котором публиковалось в газетах, и погорел бедняга Хазе, не застраховав по своей неосведомленности имущество от пожара.

Кроме материального ущерба г-н Хазе неоднократно терпел и моральный урон: не читая газет, он не узнал своевременно ни об очередном параде на Темпельгофе, ни об очередной речи «фюрера».

Тем не менее тихий г-н Хазе трудно воспитуем, — он упорно уклоняется от чтения фашистских газет.

Г-н Хазе отнюдь не пролетарий и не пролетария в его лице вербует себе в читатели фашистская пресса. Это — рядовой обыватель «Третьей империи». Какими же средствами вербует этого обывателя германский журнализм, о котором покойный журнал «Квершнитт» (Kuerschnitt) сострил, что «журнализм — это танец на канате между строк»? И какой вес может иметь газета, где «единственно читаемым бывает фельетон»?

Здесь на помощь приходит алхимия желтой прессы. Происходит процесс «улавливания» Хазе, путем определенного влияния на его сознание. Свойственные обывателю черты культивируются, особым образом взращиваются.

*

Если с одной стороны фашистская газета наполнена лживой информацией, политической демагогией, агрессивной и погромной трескотней, то в области «культуры» — «процветает» хроника, очерк, фельетон, предназначенные специально для улавливания неуловимого абонента. Фашистские длиннозубые культуртрегеры не оставляют в покое Хазе и в его интимной жизни.

Хроника занимается процессами растлителей, убийствами из ревности, бракоразводными и т. п. процессами; а очерки, стихотворения, рассказы воспевают семейный «уют». В зализанных стишках воспевается «радость помолвки на Рождество», когда «он» и «она» мечтают вслух об уютно обставленной квартирке, где «она» всегда будет готовить «его» любимые блюда.

Так развлекает г-на Хазе пресса «Третьей империи». Но самое нутро желтой прессы являет собой ее переписка с читателем, где перед почтеннейшей публикой обнажена интимная жизнь Хазе, где Хазе консультируют, где его воспитывают и культивируют его вкусы.

В воскресном приложении к газете «Моргенпост» существуют так называемые письма читателей, об'единяемые под общим заголовком «Дорогая Моргенпост». Редакция частью получает, частью фабрикует «проблемные» письма, которые печатает, подобрав их определенным образом.

Любопытно ознакомиться с тем, что выносится в печать и возводится в проблему фашистскими газетчиками. Интересно, что сказали бы наши девушки и женщины относительно таких «проблем морали» как: «Существует ли воровство между супругами?»,

«Имеет ли право жена, когда чистит одежду мужа, присваивать себе находимые деньги».

«Имеет ли право муж проверять книгу счетов жены?», т. е. контролировать, добросовестно ли ведет она хозяйство, не утаивает ли доходы.

«Отвечает ли муж за долги жены?»

«Должен ли «он» платить за ее сестру?» В последнем случае, вызвавшем оживленные отклики, обсуждалась такая деликатная проблема: когда парочку постоянно сопровождает в кафе сестра невесты, то как поступить жениху, если он, будучи согласен оплачивать кофе и пирожные невесты, не хочет платить за свою будущую свояченицу.

Так же остро, как «проблема свояченицы», поставлена и другая проблема: «Она не хочет копить!» Мать в письме горько жалуется на то, что ее юная дочь не хочет откладывать сбережений.

«Между тем, — пишет встревоженная матрона, — в последнее время молодая девушка без приданого имеет мало надежд выйти замуж».

К вопросам семейно-бытовой гармонии относятся следующие: «Как быть невесте футболиста?», «Что делать с мужем-рыболовом?» Или: «Мой муж страстный игрок в бридж». Наконец, чрезвычайно острая тема: «Большой муж и маленькая жена».

Вопрос о том, может ли мужчина «с положением», ростом в 1 м. 84 см. жениться на девушке 22 л. и ростом в 1 м. 58 см. вызвал оживленные толки среди «господ Хазе».

Корреспонденты, не оспаривая того факта, что «красивой парой» считаются супруги с малой разницей в росте, патетически восклицали: «с каких пор, однако, любовь исчисляется сантиметрами?»

К этой же серии можно отнести и вопросы о том, «существует ли любовь без ревности». (Ответ: нет, не существует!); «надо ли признаваться жениху в прежних увлечениях» и «кто из супругов должен ходить за углем в погреб?».

*

К области правил общежития и эстетики относится дискуссия о том «имеет ли право дама отказывать в танце пригласившему ее кавалеру», «прилично ли посылать даме красные розы», «прилично ли девице рассказывать сны в обществе», «на каком музыкальном инструменте подобает учиться играть шестидесятилетнему», «можно ли танцевать после одиннадцати вечера, справляя семейное торжество» и т. д.

Одним из последних «проклятых вопросов» конца 1936 г. был следующий:

«Как быть с употребленными лезвиями для бритвы?»

Стоит остановиться на этом перле из приведенной сокровищницы пошлости, потому что здесь ясно проступает политическая тенденция в обработке сознания Хазе.

Некий г-н Ганс Б. из Берлина патетически вопрошает «Дорогую Моргенпост» и ее читателей: «как быть с употребленными лезвиями?». Наступило 1-е октября, — принятый в Берлине срок для возобновления контрактов между квартиронанимателем и домовладельцем, — Ганс Б. с'езжает на новую квартиру, а между тем, «куда девать лезвия?». Исследовав и обсудив множество обычных исходов, Ганс Б. и его два сына, вошедшие в возраст возмужания, когда юношество знакомится с употреблением бритвы, стали втупик. Тогда на помощь приходит мудрая редакция. В очередной воскресной подборке писем читателей «Дорогая Моргенпост» отвечает в столь же патетическом тоне, что сталь употребленных лезвий для бритвы нужна германскому государству и, что пункты сдачи таковых находятся в районных группах гитлеровской молодежи, штурмовых отрядов и т. д.

Таким образом, явная политическая тенденция обнаруживается даже в столь невинной «переписке» «Дорогой Моргенпост» с читателем, где газета ведет пропаганду сбора использованных лезвий для военных целей.

Если господин Хазе не желает читать фашистских газет, потому что он хочет уйти, спрятаться от окружающей страшной жизни, то немецкие рабочие и другие политически сознательные круги германского населения бойкотируют национал-социалистическую прессу по иным соображениям, и их «обработать» — невозможно.

«Мы не читаем газет!» — отвечают они агенту для распространения через дверную цепочку.

Мне памятен один небольшой эпизод, которым хотелось бы закончить этот очерк.

На одной из улиц рабочего района Берлина этой зимой стояли перед витриной с погромной газетой «Штюрмер» двое мальчишек. Несмотря на распоряжение министра внутренних дел д-ра Фрика вешать этот грязный порнографический и садистский листок выше уровня детского роста, ребята могли разглядеть рисунок с очередным показательным чудовищем, изображающим еврея — «насильника и растлителя Германии». Бурые лица мальчишек, их костлявые колени выдавали маргариновое питание. Младший задумчиво обратился к старшему:

«А ведь этот не похож на нашего еврея, правда?» Старший не ответил. Он как-то странно шевелил губами, не сводя упорного взгляда с витрины. Уходя, он оглянулся в мою сторону и усмехнулся всем своим костистым лицом формирующегося пролетария.

Это был «читатель» явно не из разряда молчаливых Хазе.

М. НАДЕЖДИНА.

«Академический инцидент»

1 марта 1902 г. в «Правительственном вестнике» было помещено следующее сообщение: «В состоявшемся 21 февраля соединенном заседании отделения русского языка и словесности императорской Академии наук и разряда изящной словесности закрытою баллотировкою шарами были произведены, согласно с существующими постановлениями, выборы в почетные академики разряда изящной словесности. Избранными оказались: Александр Васильевич Сухово-Кобылин и Алексей Максимович Пешков (Максим Горький)».

Избрание Горького академиком означало заслуженное признание его выдающегося таланта и его исключительной популярности не только в России, но и за границей. Все передовое русское общество приветствовало эти выборы.

Иначе отнеслись к избранию Горького жандармские генералы. Министр внутренних дел Сипягин поспешил отправить Николаю II вырезку из газеты и справку охранного отделения о политической неблагонадежности Горького. Получив этот доклад, царь написал на нем одну из своих «бессмертных» резолюций:

«Более чем оригинально».

Этой резолюции было достаточно, чтобы президент академии Константин Романов отменил избрание Горького. В «Правительственном вестнике» было об'явлено: «В виду обстоятельств, которые не были известны соединенному собранию отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности императорской Академии наук, выборы в почетные академики Алексея Максимовича Горького (псевдоним «Максим Горький»), привлеченного к дознанию в порядке ст. 1035 устава уголовного судопроизводства, об'являются недействительными».

Однако, вопреки ожиданиям правительства, дело этим не только не было исчерпано, но, напротив, повлекло за собой огромный общественный скандал, закончившийся тем, что Короленко и Чехов сложили с себя звание академиков.

Любопытно отношение к этому делу и некоторых других академиков. Вот что сообщает Чехов в письме к Короленко о Л. Н. Толстом (также состоявшем в Академии наук): «Толстому передавать заявления я не стану. Когда я заговорил с ним о Горьком и об Академии, то он проговорил: «Я не считаю себя академиком», и уткнулся в книгу». О поведении Стасова рассказывает в своем дневнике Короленко: «В. В. Стасов подошел ко мне и, пожимая мне руку, сказал, что я прав и что, в сущности, после этой бесцеремонности, все мы должны бы выйти... А если не выходим, то—по российскому свинству».

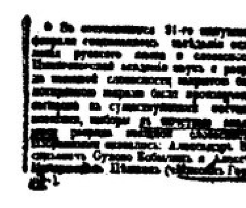
Закончился этот инцидент лишь через 25 лет. После Февральской революции, в марте 1917 года, в Академии было принято решение: «послать М. Горькому, как почетному академику, повестку на ближайшее заседание Разряда, которое предполагается назначить на 20 марта». («О Горьком—современники», стр. 250).

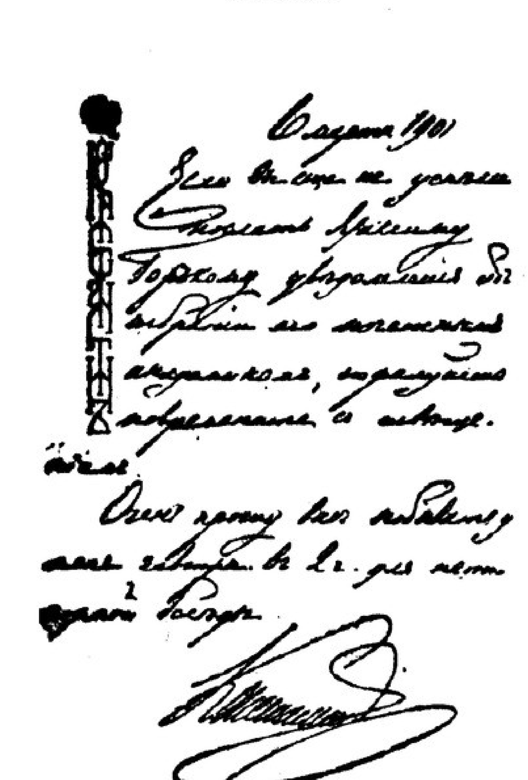
■ ■ ■

Более чем оригинально

Правительственный Вестник

Пятница 1 Марта 1902 г.

На фото: 1) Вырезка из «Правительственного вестника» от 1 марта 1902 г. (ст. ст.) с сообщением о выборах А. М. Горького. Эта вырезка министром внутренних дел наклеена на лист веленевой бумаги и вместе со справкой департамента полиции о политической неблагонадежности А. М. Горького послана Николаю II. На листе — резолюция Николая II: «Более чем оригинально».

2) Записка президента Академии наук Константина Романова к акад. А. Н. Веселовскому: «Если вы еще не успели послать Максиму Горькому уведомление об избрании его почетным академиком, пожалуйста повремените с извещением...». Записка найдена недавно в архиве А. Н. Веселовского и публикуется нами впервые (по ошибке указан 1901 г. вместо 1902 г.).

Документы, относящиеся к академическому инциденту, хранятся в архиве Института литературы Академии наук СССР.

М. ГОРЬКИЙ

Жизнь Клима Самгина

(ИЗ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ РОМАНА)

ОТРЫВОК ПЕРВЫЙ

Недостаток продовольствия в городе принимал характер катастрофы, возбуждая рабочих, но в январе была арестована рабочая группа «Центрального военно-промышленного комитета», а выпущенная 6 февраля прокламация Петроградского комитета большевиков, призывавшая к забастовке и демонстрации на 10-е число, в годовщину суда над социал-демократической фракцией Думы, — эта прокламация не имела успеха.

— Все идет правильно, работает логика истории, разрушая одно, укрепляя другое, — думал Клим Самгин.

На 14-е февраля в день открытия Государственной Думы, начались забастовки рабочих, а через десять дней вспыхнула всеобщая забастовка, и по улицам города, бурно, как весенние воды реки, хлынули революционные демонстрации.

Клим Иванович Самгин мужественно ожидал и наблюдал. Не желая, чтоб темные волны демонстрантов, захлестнув его, всосали в свою густоту, он наблюдал издали, из-за углов. Не было смысла сливаться с этой грозно ревущей массой людей, он очень хорошо помнил, каковы фигуры и лица рабочих, он достаточно много видел демонстраций в Москве, видел и здесь 9 января, в воскресенье, названное «кровавым».

Он смотрел, как мимо него течет стиснутая камнем глазастых стен бесконечная, необыкновенно плотная, серая, мохнатая толпа мужчин, женщин, подростков, и слышал стройное пение:

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов...

— Хлеба! Хлеба! — гулко кричали высокие голоса женщин. Иногда люди замедляли шаг, даже топтались на месте, преодолевая какие-то препятствия на пути своем, раздавался резкий свист, крики:

— Что там? Долой! Товарищи— смело.

Это будет последний
И решительный бой...

Хор был велик, пел непрерывно. Самгин отметил, что, пожалуй, впервые демонстранты поют так стройно, согласно, и так бесстрашно открывается ими грозный смысл рабочего гимна. В пятом году, 9 января не пели. Вероятно, и не могли бы петь вот так. Однако не исключена возможность, что это Воскресенье будет повторено... Не исключена. От плоти демонстрантов отрывались, отскакивали отдельные куски, фигуры, смущенно усмехаясь или угрюмо хмурясь, шли мимо Самгина, но навстречу им бежали, вливались в массу десятки новых людей.

Самгин посматривал на тусклые стекла, но не видел за ними ничего, кроме сизоватого тумана и каких-то бесформенных пятен в нем. Наконец толпа исчезала и было видно, как гладко притоптан ею снег на мостовой.

— «Новая метла чисто метет», — вспоминал Самгин, направляясь домой и давая волю мыслям, наивность которых была ему понятна.

— Гораздо больше людей, которые мешают жить, чем людей необходимых и приятных мне. Легко избрать любую линию мысли, но трудно создать удовлетворительное окружение из ближних.

Дома его встречало праздничное лицо (девицы).

Она очень располнела, сладко улыбалась, губы у нее очень яркие, пухлые и в глазах светилась неиссякаемо радость. Она была очень антипатична, становилась все более фамильярной, но—Клим Иванович терпел ее— хорошая работница, не плохо и дешево готовит, держит комнаты в строгой чистоте. Нередко он спрашивал ее:

— Чему вы радуетесь?

— Очень интересно стало, Клим Иванович.

— Что — интересно? Война?

— Война прекратится скоро.

— Это кто же ее прекратит?

— Рабочие и мужики не хотят больше воевать.

— Вот как? А кто им позволит прекратить?

— Ну уж они сами.

— Ах, вот как...

Говорить с ней было бесполезно. Самгин это видел, но «радость бытия» все острее раздражала его. И накануне 27 февраля, возвратясь с улицы к обеду, он, не утерпев, спросил:

— Ну, что скажете?

— Революция началась, Клим Иванович,— сказала она, но, облизнув губы кончиком языка, спросила: — Верно?

— Возможно. Но не менее возможно и то, что было в пятом году 9 января. Вы знаете, что тогда было?

— Да, нам читали.

— Что — читали? Кто и где?

— Внизу, в столовой, Аркаша, там газеты об'ясняет молодой человек, Аркаша...

— Давайте обедать, — строго сказал Самгин.

Он хорошо помнил опыт Москвы пятого года и не выходил на улицу в день 27 февраля. Один, в нетопленной комнате, освещенной жалким огоньком огарка стеариновой свечи, он стоял у окна и смотрел в тьму позднего вечера, она в двух местах зловеще, докрасна раскалена была заревами пожаров и как будто плавилась, зарева росли, растекались, угрожая раскалить весь воздух над городом. Где-то далеко не торопясь вползали вверх разноцветные огненные шарики ракет и так же медленно спускались за крышу домов.

Веселая (девица), приготовив утром кофе, исчезла. Он целый день питался сардинами и сыром, с'ел все, что нашел в кухне, был голоден и обозлен. Непривычная темнота в комнате усиливала впечатление обреченности, темнота вздрагивала, точно пытаясь погасить огонь свечи, а ее и без того хватит не больше как на четверть часа.

— Чорт вас возьми...

Прыжки осветительных ракет во тьму он воспринимал как нечто пошлое, но и зловещее. Ему казалось, что слышны выстрелы — быть может это хлопали двери. Сотрясая рамы окон, по улице с грохотом проехали два грузовых автомобиля, впереди — погруженный должно быть железом, его сопровождал грузовик, в котором стояло десятка два людей, некоторые из них с ружьями, тускло блеснули штыки.

— Кого арестуют? — соображал Клим Иванович, давно сняв очки, но все еще протирая стекла замшей, напряженно прислушиваясь и недоумевая: почему не слышно выстрелов?

Клим Иванович был сильно расстроен: накануне, вечером он крепко поссорился с Еленой: человек, которого указал Дронов, продал ей золотые монеты эпохи Римской империи, монеты оказались современной имитацией, а удостоверение о подлинности и древности их — фальшивым; какой-то старинный бокал был не золотым, а только позолоченным. Елена топала ногами, истерически кричала, утверждая, что Дронов действовал заодно с продавцом.

— У него лицо мошенника, у вашего друга! — кричала она и требовала, чтобы он привлек Дронова к суду. Она обнаружила такую ярость, что Самгин испугался:

— Если она затеет судебное дело, — не избежать мне участия в нем, — сообразил он, начал успокаивать ее, и тут Елена накричала на него столько и таких обидных слов, что он, похолодев от оскорблений, тоже крепко обругал ее и ушел.

Когда раздался торопливый стук в дверь, Самгин не сразу решил выйти в прихожую, он взял в руку подсвечник, прикрывая горстью встревоженный огонек, дождался, когда постучат еще раз, и успел подумать, что его не за что арестовать и что стучит вероятно Дронов, больше — некому. Так и было — уродливо толстый, с выпученным животом (вошел Дронов):

— Что ты — спал? — хрипло спросил (он), задыхаясь, кашляя, расстегивая пальто, опустив к ногам своим тяжелый пакет, начал вытаскивать из карманов какие-то свертки, совать их в руки Самгина. — Пища, — об'яснил он, вешая пальто. — Мне эта, твоя толстая дурында сказала, что у тебя ни зерна нет.

— Что делается в городе? — сердито спросил Самгин.

— Революция делается? — ответил Иван, стирая платком пот с лица, и ткнул пальцем в левую щеку свою.

— Павловский полк, да — говорят — и другие полки гарнизона перешли на сторону народа, то-есть Думы. А народ действует: полицейские участки разгромлены, горят. Окружный суд. Литовский замок — тоже, министров арестуют, генералов.

Самгин стоял среди комнаты, слушал и не верил, а Дронов гладил ладонью щеку и, не торопясь, говорил:

— Кавардак и катавасия. Ко мне в квартиру влезли, с винтовками, спрашивают: это вы генерал Голомбиевский, — такого, наверно, и в природе нет.

— Полиция, жандармы? — спросил Самгин, пощипывая бородку и понимая, что скандал с Еленой погашен.

— Какая, к чорту, полиция? Полиция спряталась. Говорят, будто бы на чердаках сидит, готовится из пулеметов стрелять... Ты что — нездоров?

— Голова...

— Ну, головы у всех... кружатся. Я, брат, тоже... Я ночевать к тебе, а то, знаешь.

И, хлопнув себя ладонью по колену, Дронов огорченно сказал:

— Говоря без фокусов — я испугался. Пятеро человек — два студента, солдат, еще какой-то, баба с револьвером... Я, там, что-то сказал, пошутил, она меня — трах по роже!

Самгин сел, чувствуя, что происходит не то, чего он ожидал. С появлением Дронова в комнате стало холоднее, а за окнами темней.

— Арест министров, это — понятно. Но почему генералов, если войска... Что значит на стороне народа? Войска признали власть Думы, — так?

Дронов, склонив голову на плечо, взглянул на него одним глазом, другой почти прикрыт был опухолью.

— Завтра все узнаем, — сказал он. — Смотри, — свеча догорает, давай другую...

Он развертывал пакеты, раскладывал на столе хлеб, колбасу, копченую рыбу, заставил Самгина найти штопор, открыл бутылки, все время непрерывно говоря:

— В общем настроение добродушное, хотя люди голодны, но дышат легко, охотно смеются, мрачных ликов не видно, преобладают деловитые. Вообще начали... круто. Ораторы везде убеждают, что «отечество в опасности», «сила — в единении» — и даже покрикивают — долой царя. Солдаты — раненые — выступают, говорят против войны и весьма зажигательно. Весьма.

Самгин вставлял свечу в подсвечник, но это ему не удавалось, подсвечник был сильно нагрет, свеча обтаивала, падала. Дронов стал помогать ему, мешая друг другу они долго и молча укрепляли свечу, потом Дронов сказал:

— Ну, будем ужинать. Я с утра не ел.

И снова молча выпили коньяку, поели ветчины, сардин, сига. Самгин глотнул вина и сказал:

— Знакомое вино.

— Царских подвалов, — пробормотал Дронов. — Дама твоя познакомила меня с торговкой этим приятным товаром.

— Купил ты золота ей?

— Зачем я буду покупать? Послал антиквара.

— Он ее обманул, — сообщил Самгин. — Дронова это не удивило:

— Ну, а — как же? Антиквар...

Дронов перестал есть, оттолкнул тарелку, выпил большую рюмку коньяку.

— Ну вот, дожили мы до революции, — неприятно громко сказал он, — так громко, что даже оглянулся, точно не поверил, что это им сказано. — Мне революция — не нужна, но, разумеется, я и против ее даже пальца не подниму. Однако случилось так, что может быть — первая пощечина революции попала моей роже. Подарочек не из тех, которыми гордятся. Знаешь, Клим Иванович, ушли они, эти... ловцы генералов, ушли и очень... прискорбно почувствовал я себя. Дурацкая жизнь. Ты жил во втором этаже, я — в полуподвале, в кухне. Вы, благородные дети, паршиво относились ко мне. Как будто я негр, еврей, китаец...

Память Клима Самгина подсказала ему слова Тагильского об интеллигенте в третьем поколении, затем о картинах жизни Парижа, как он наблюдал ее с высоты третьего этажа. Он усмехнулся и чтоб скрыть усмешку от глаз Дронова, склонил голову, снял очки и начал протирать стекла.

— Только один человек почти за полсотни лет жизни — только одна Тося...

— Я мог бы рассказать ему о Марине, — подумал Самгин, не слушая Дронова. — А ведь, возможно, что Марина тоже оказалась бы большевичкой. — Как много людей, которые не вросли в жизнь, не имеют в ней строго определенного места.

А Иван Дронов жаловался и — уже ясно было, что он пьянеет.

— Дунаев, приятель мой, метранпаж, уговаривал меня: перестаньте канителиться, почитайте, поучитесь, займитесь делом рабочего класса, нашим большевистским делом.

— Не соблазнился? — спросил Самгин, чтоб сказать что-нибудь.

— Я не соблазнился, да! А ты — уклонился... Почему?

— Подожди, — попросил Самгин, встал и подошел к окну. Было уже около полуночи, и обычно в этот час на улице, даже и днем тихой, укреплялась невозмутимая, провинциальная тишина. Но в эту ночь двойные рамы окон почти непрерывно пропускали в комнату приглушенные, мягкие звуки движения, шли группы людей, гудел автомобиль, проехала пожарная команда. Самгина заставил подойти к окну шум необычно тяжелый, от него тонко заныли стекла в окнах и даже задребезжала посуда в буфете.

Самгин видел, что в темноте по мостовой медленно двигаются два чудовища кубической формы, их окружало разорванное кольцо вооруженных людей, колебались штыки, прокалывая, распарывая тьму.

— Броневики, — тотчас сообразил он. — Броневики едут, — полным голосом сказал он, согретый странной радостью.

— Ты думаешь — будут стрелять? — сонно пробормотал Дронов. — Не будут, надоело..

Броневики проехали. Дронов расплылся в кресле и бормотал:

— Ничего не будет. Дали Дроноту Ивану по морде и — кончено!

Самгин посмотрел на него, подумал:

— Сопьется.

Сходил в спальню, принес подушку и, бросив ее на диван, сказал:

— Ляг.

— Можно. Это — можно.

Он встал, шагнул к дивану, вытянув руки вперед, как слепой, бросился на него, точно в воду, лег и забормотал:

Вырыта заступом яма глубокая...
Жизнь... бестолковая, жизнь
одинокая...

— Самгин, чьи стихи?

— Никитина.

— Чорт. Ты — все знаешь. Все.

Он заснул.

Клим Иванович Самгин тоже чувствовал себя охмелевшим от сытости и вина, от событий. Закурил, постоял у окна, глядя вниз, в темноту, там быстро и бесшумно, как рыбы, плавали грубо оформленные фигуры людей, заметные только потому, что они были темнее темноты.

— И так — революция. Вторая на моем веку.

Он решил, что завтра с утра пойдет смотреть на революцию и определит свое место в ней.

ОТРЫВОК ВТОРОЙ

Когда арестованные, генерал и двое штатских, поднялись на ступени крыльца, и следом за ними волною хлынули во дворец люди, озябший Самгин отдал себя во власть толпы, тотчас же был втиснут в двери дворца, отброшен в сторону и ударил коленом в спину солдата, солдат, сидя на полу, держал между ног пулемет и ковырял его каким-то инструментом.

— Простите, — сказал Самгин.

— Ничего, ничего, — действуй! — откликнулся солдат не оглядываясь. — Тесновато, брат, — бормотал он, скрежеща по железу сталью. — Ничего, последние деньки теснимся...

Пол вокруг солдата был завален пулеметами, лентами к ним, коробками лент, ранцами, винтовками, связками амуниции, мешками, в которых спрятано что-то похожее на булыжники или арбузы. Среди этого хаоса вещей и на нем спали, скорчившись, солдаты, человек десять.

— Викентьев! — бормотал солдат, не переставая ковырять пулемет и толкая ногою в плечо спящего, — проснись, дьявол! Эй, где ключик?

Подошел рабочий в рыжем жилете поверх черной суконной рубахи, угловатый, с провалившимися глазами на закопченном лице, закашлялся, посмотрел, куда плюнуть, не найдя места, проглотил мокроту и сказал хрипло, не громко:

— Савел, дай, брат, буханочку! Депутатам...

— Нет, не имею права, — сказал солдат и не взглянув на него.

— Чудак, депутатам фабрик, рабочим.

— Не имею...

Но тут реставратор пулемета что-то нашел и обрадовался:

— Ага, собачка? Так-так-так...

Он встал на колени, поднял круглое, веселое сероглазое лицо, украшенное редко рассеянным по щекам золотистым волосом и разрешил:

— Бери одну.

— А — две?

— А — вот?

Он поднял длинную руку, на конце ее — большой, черный, масляный кулак. Рабочий развязал мешок, вынул буханку хлеба, сунул ее подмышку и сказал:

— Спрятать бы, завидовать будут.

— А требуешь — две! Держи газету, заверни...

Клим Иванович Самгин поставил себя в непрерывный поток людей, втекавший в двери, и быстро поплыл вместе с ним внутрь дворца в гулкий шум сотен голосов, двигался и ловил глазами наиболее приметные фигуры, лица, наиболее интересные слова. Он попал в какой-то бесконечный коридор, который должно быть, разрезал весь корпус Думы. Здесь было свободней и чем дальше, тем все более свободно, по обе стороны коридора непрерывно хлопали двери, как бы выкусывая людей, одного за другим. Было както странно, что этот коридор оканчивался изящно обставленным рестораном, в нем собралось десятка три угрюмых, унылых, сердитых и среди них один веселый — Стратонов, в каком-то очень домашнем, помятом костюме, в мягких сапогах:

— О-о, здравствуйте! — сказал он Самгину, размахнув руками, точно желая обнять. Самгин, отступив на шаг, поймал его руку, пожал ее, слушая оживленный, вполголоса, говорок Стратонова:

— А меня, батенька, привезли на грузовике, да-да? Арестовали, чорт возьми! Я говорю: послушайте, это... это нарушение закона, я — депутат, неприкосновенен. Какой-то студентик, мозгляк, засмеялся: «А вот мы, — говорит, — прикасаемся». Но без юмора сказал, а? С ним — матрос, этакая, знаете, морда: « — Неприкосновенный? — кричит. А наши депутаты, которых в каторгу закатали — прикосновенные?» — Ну что ему ответишь? Он же мужик, он ничего не понимает...

Подошел солидный, тепло одетый, гладко причесанный и чрезвычайно, до блеска вымытый, даже полинявший человек, с бесцветным и как будто стертым лицом. Раздувая ноздри маленького носа, лениво двигая сизыми губами, он спросил мягким голосом:

— Что на улицах! Войска — идут!

— Нет, никаких войск! — крикнул маленький, позванивая чайной ложкой в пустом стакане. — Предали войска. Как вы не понимаете?

— Не верю! — сказал Стратонов, улыбаясь.— Не могу верить.

— Заставят... (сказал) солидный, пожав толстыми плечами.

— Солдаты революции не делают.

— Нет армии! Я был на фронте... Армии нет!

— Вы верите? — спросил Стратонов. — Самгин отглянулся и сказал:

— Хлеба нет. Дайте хлеба — будет армия.

Он тотчас же догадался, что ему не следовало говорить так и неопределенно добавил:

— И все, вообще... найдет свой естественный путь.

— Пулеметов надо, пулеметов, а не хлеба! — не громко, но четко сказал изящно одетый человек.

Вошел еще кто-то и утешил:

— Пулеметы действуют! В Адмиралтействе какой-то генерал организовал сопротивление. Полиция и жандармы стреляют с крыш.

Откуда-то из-за угла бесшумно явился старичок, которого Самгин изредка встречал у Елены, но почему-то нетвердо помнил его фамилию: Лосев, Бросов, Барсов? Постучав набалдашником палки по столу, старичок обратил внимание на себя и поучительно сказал:

— Господа! Разрешите напомнить, что сегодня выражение наших личных симпатий и взглядов требует особенно осторожной формы... Он замолчал, постукал в пол резиновым наконечником палки и печально качнул седой головой: — Если мы не желаем, чтоб наше личное отразилось на оценке врагами программы партии нашей, на злостном искажении ее благородной, русской национальной цели. Я, разумеется, не советую: «с волками жить — по-волчьи выть», как советует старинная и политически мудрая пословица. Но вы знаете, что изменить тон еще не значит изменить смысл, и что отступление на словах не всегда вредит успехам дела.

Самгин, не желая дальнейшего общения со Стратоновым, быстро ушел из буфета, недовольный собою, намереваясь итти домой и там обдумать все, что видел, слышал.

По коридору шел Дронов в расстегнутом пальто, сунув шапку в карман, размахивая руками.

— Подожди, куда ты? — остановил он Самгина и тотчас начал: — Власть взял на себя Временный комитет Думы и образовался, как в пятом году, Совет рабочих депутатов. Это — что же будет: двоевластие? — спросил он, пытаясь остановить на лице Самгина дрожащие глаза.

Самгин внушительно ответил:

— С какой стати? У Совета рабочих — свои профессиональные интересы...

«Словно слепые, топтались царские министры вокруг своих ведомств». Рисунок Кукрыниксы.

(«История гражданской войны», т. II)

■ ■ ■

Дружеский совет

Письмо Ромэн Роллана

Один из членов литературного кружка на заводе «Красное Сормово» обратился к Ромэн Роллану с письмом, в котором писал о своих мыслях и просил великого писателя помочь ему в разрешении некоторых вопросов.

На-днях этот товарищ получил от Ромэн Роллана ответное письмо.

«Вильнев, 4 февраля 1937 г.

Дорогой товарищ.

Вот уже год, как я получил ваше письмо. Я не мог скоро ответить. То, что вы просили меня, разрешить не может никто, кроме вас самих. Поэтому я размышлял год, прежде чем вам ответить...

Что касается вашей большей склонности быть поэтом, чем техником, я даю вам откровенно свой ответ: я не думаю, что вы, ставши поэтом, будете более полезны вашей стране и человечеству.

Во-первых, положение поэта не мешает человеку быть в то же время и техником. Лично я убежден, что все писатели должны иметь занятия и профессию, кроме своей литературной работы. Невозможно служить только литературе. Бальзак был конторским служащим, Люк Дюртен был врачом, Дюамель также занимался медициной и хирургией, Клод и Жироду—дипломаты. Лично я до 40 лет был профессором истории. Короче: быть поэтом—это роскошь, которую позволяют лишь себе богачи и бездельники в странах еще не социалистических, а в вашей стране, которая столь нуждается в рабочих руках всяких профессий, я считаю преступлением быть исключительно поэтом.

Может быть, ваше занятие в качестве техника не соответствует вашему темпераменту? Тогда вы можете избрать другое. Разве нет выбора кругом вас? Почему вы не можете работать на заводе? Кроме своей работы вы сможете организовать на нем кружки литературы, так как к ней склонны. Или же поезжайте на восток, в ту сторону, которую описывает Павленко в своем новом романе «На Востоке»,—книга, которую я считаю наиболее замечательной в советской литературе. Ее я советую вам прочитать немедленно.

Я надеюсь, дорогой товарищ, что письмо мое к вам вы скоро получите. Желаю вам быть всегда мужественным, не унывать при неудачах и разочарованиях.

Жму вашу руку.

РОМЭН РОЛЛАН».

★

Для многих товарищей письмо Ромэн Роллана—хороший урок и напоминание. Поэт должен быть теснейшим образом связан с действительностью, с жизнью, с практическим делом—вот основной смысл указаний Р. Роллана начинающему литератору.

Р. Роллан предостерегает литкружковца от перехода на исключительно литературную работу. Его слова звучат предостережением и тем из руководителей литорганизаций, которые не понимают вреда ранней «профессионализации» молодых литераторов, создающей прямую угрозу отрыва их от действительности, опасность ухода в замкнутый мирок узко профессиональных литературных интересов.

Пусть прислушиваются молодые советские писатели к голосу Ромэн Роллана.

Даже в немногих строках приводимого выше письма сказываются особенности этого замечательного человека: чувство большой ответственности за каждое свое слово (Ромэн Роллан не разрешал себе ответить незнакомому корреспонденту, пока тщательно не обдумал поставленного последним вопроса), громадный интерес к нашей литературе и искренняя радость по поводу таких ее побед, как роман Павленко «На Востоке».

Чем глубже вдумается литкружковец из «Красного Сормова», а с ним и его товарищи, в мысль и советы нашего великого зарубежного друга, тем скорее найдут они тот верный путь, который ведет к творческим достижениям.

Неизвестные произведения Гончарова

Новые главы романа «Обрыв»

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В рукописных фондах архива Института литературы Академии наук СССР обнаружены ценнейшие материалы, относящиеся к творчеству И. А. Гончарова, в том числе и ряд неизвестных художественных произведений знаменитого русского писателя.

Новонайденные рукописи Гончарова представляют огромный историко-литературный интерес и большую эстетическую ценность.

Среди них имеются также произведения, как новые главы романа «Обрыв», рассказы «Елка», «Поездка на Волгу», «Обед у губернатора», воспоминания о Якутске и другие вещи первостепенного значения.

Все эти произведения будут напечатаны в очередном сборнике «Литературного архива», выход которого приурочивается к 125-летию со дня рождения Гончарова.

В гончаровский сборник «Литературного архива» войдут также неизданные критические статьи, стихотворные опыты Гончарова и обширная переписка с писателями и деятелями русской журналистики его времени.

Предполагается, что сборник включит все неизданные материалы Гончарова, хранящиеся в Ленинграде.

Об'ем сборника — 60 печатных листов. Редактируют его О. В. Цехновицер и С. Д. Балухатый.

Общее собрание ленинградских писателей

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Президиум ЛенССП решил созвать 15 марта общее собрание ленинградских писателей. Собрание обсудит итоги IV пленума правления союза писателей и основные вопросы подготовки к 20-летию Октября.

С докладами и сообщениями выступят руководители издательств, представители творческих секций и т. д.

На собрании будет поставлен и ряд организационных вопросов, связанных с укреплением и дальнейшей работой ленинградского отделения союза писателей.

Сибирские писатели в Москве

Правление ССП СССР с 3 по 8 марта проводило в Москве пятидневку западносибирской литературы. В пятидневке участвовали писатели Итин, Коптелов, Кравков, поэты Мухачев, Алексеев и детская писательница Стюарт.

4 марта в издательстве «Советский писатель» состоялась встреча писателей Западной Сибири с руководящими издательскими работниками. На вечере писатели рассказали о своей работе и прочли последние произведения.

5 марта западносибирские писатели встретились с поэтами и прозаиками Москвы на расширенном заседании президиума ССП СССР.

С докладом о литературе советской Сибири выступил В. Итин.

Особо остановился докладчик на вопросах критики. По его словам, западносибирские писатели очень редко слышат критические замечания о своих произведениях. Это об'ясняется недостатком в крае критических сил. Московские же критики лишь в исключительных случаях пишут о книгах краевых писателей.

Отсутствие авторитетной критики вредно отражается на творчестве краевых литераторов, мешает правильному творческому росту писателей.

После доклада выступили тт. Антокольский, Зазубрин, Пермитин, Барто, Серебрянский, которые дали критический обзор творчества западносибирских прозаиков и поэтов.

IV ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

За подлинную демократию

Речь тов. А. Фадеева

Прислушиваться к сигналам

— Товарищи, какое самое важное политическое явление или событие определило основы нашего бытия, формы и условия жизни всего нашего народа? Это, несомненно, сталинская Конституция, принятая на Чрезвычайном VIII С'езде Советов, Конституция, завоеванная, созданная героическим нашим народом и сформулированная лучшим сыном и вождем народа — Сталиным. Эта Конституция обеспечила нам самую высшую форму демократии, какую только знал мир.

Какое другое, неизмеримо менее важное в историческом масштабе событие, но в то же время событие, глубоко взволновавшее и мобилизовавшее нас, случилось за последнее время? Это — разоблачение нами групп врагов народа, презренных двурушников, контрреволюционеров, троцкистов, зиновьевцев и правых отщепенцев, связавшихся с иностранной разведкой и ставших агентурой международного фашизма в нашей стране.

Это второе событие важно для нас потому, что мы в условиях, когда неизбежно назревает крупнейший исторический конфликт между силами коммунизма и капитализма, очистили воздух нашей страны от этой нечисти, от этих подпольных сил агентуры международного капитала, которые могли еще больше, чем они это сделали сейчас, подорвать нашу военную и хозяйственную силу в период военного столкновения. Под руководством партии органы НКВД, опираясь на весь наш социалистический народ, разоблачили этих двурушников и врагов, и т. Вышинский, который формулировал обвинение, имел полное законное право сказать, что он обвиняет не только от своего лица, но и от лица всего народа.

Если бы на всех участках нашей великой необ'ятной родины были бы всегда и везде, полностью и всеми соблюдены условия нашей социалистической демократии — самокритики, внимания к голосу низов, принципиальности, — врагу было бы гораздо труднее работать, он был бы гораздо раньше изобличен.

Мы, союз писателей, также вынесли очень тяжелые уроки из той контрреволюционной вредительской работы, которую вели внутри нашего союза враги народа. Мы могли бы их выявить быстрее, скорее и лучше, если бы у нас внутри союза была развернута внутрисоюзная демократия в том духе, как мы это понимаем.

Несомненно, что недостаток самокритики в тех или иных звеньях, неумение прислушиваться к тем или иным отдельным сигналам, которые были, все это помогало враждебным силам внутри нашего союза действовать против нас и против партии, против советской власти и против всего нашего народа.

Мало ли было, например, правильных высказываний о Серебряковой, о ее контрреволюционном романе? Мало ли говорили относительно того «салона», который собирается у Сокольникова и Серебряковой? Немало говорили. Говорилось и о том, что продвижению Серебряковой способствовал бывший секретарь парткома союза писателей Марченко.

Были такие голоса. Но эти голоса были, вероятно, недостаточно громкие. А главное, не прислушивались к этим голосам, а ведь это были голоса самокритики.

Или возьмите другой пример: почему Ермилов не мог раскусить Мазнина? Если бы «Красная новь», редколлегия ее в целом работала нормально, коллективно, разве люди не заинтересовались бы, что это за темный, скрытный человек с дурным политическим прошлым «работает» в редакции? Конечно, заинтересовались бы, тем более, что у Мазнина были примеры двурушничества в прошлом. Но редакторы наши, к сожалению, привыкли работать «единолично». И на этой почве стало возможно существование Гронского в «Новом мире», человека политически разложившегося.

Мы не всегда соблюдаем принципы демократии в нашем союзе, и враги этим пользуются.

Об этом хорошо говорил Ставский: правильное функционирование всех выборных органов, широчайшее развитие самокритики и, конечно, внимательное прислушивание ко всякому голосу самокритики, если этот голос идет не из чужого лагеря, — вот в каком направлении должны мы перестраивать наш союз.

Конституция, давая нам самые высокие формы демократии, в то же время определяет и формы новой социалистической дисциплины, дисциплины сознательной, добровольной, или, вернее сказать, все более сознательной, и все более добровольной, ибо это процесс становления новой дисциплины и новых форм и правил социалистического общежития.

В сущности, наши писательские обязанности такие же, как и у всех граждан: это — честно трудиться, давая по способностям, соблюдать социалистическую дисциплину, правила социалистического общежития, работать на оборону нашей родины, быть верным делу социализма, делу Сталина.

Бороться с пережитками индивидуализма и «ячества»

Мы, развертывая нашу самокритику, развертывая нашу социалистическую демократию, конечно, всегда сможем определить, когда мы имеем дело с выступлениями враждебного человека, прямо направленными против нас, или с грязной «работой» человека, действующего исподтишка против нас. И мы всегда сможем определить, когда человек не враждебен, но, может быть, находится под влиянием чуждых элементов, а, может быть, недостаточно сознателен, или в нем слишком сильны пережитки индивидуализма, или, может быть, он действительно не понимает многих вопросов, выступая и формулируя что-либо неправильно.

Мне кажется, что выступление Сельвинского принадлежит к выступлениям этого последнего рода.

Если напомнить вам те стихи Сельвинского, которые приводил здесь на пленуме т. Безыменский, то вы увидите, почему именно Сельвинский выступил здесь с таким заявлением. Есть у него пережитки этого индивидуализма, ячества, желания поставить себя над другими. Эти пережитки у него чрезвычайно сильны.

Если величайшие гении дореволюционной литературы стояли в оппозиции к существующему, то это об'яснялось тем, что они выражали подлинные чаяния народа, что они шли против тех людей, которые стояли над ними как враждебная им сила. Так было с Пушкиным и со многими другими гениями прошлого.

А ведь у Сельвинского, если он является поэтом народа, нет никаких причин противопоставлять себя народу или становиться над ним. Ему обеспечены все возможности для того, чтобы быть рупором народа, голосом народа. Но ему все время кажется, что его «богатую», «исключительную» индивидуальность кто-то хочет ущемить.

Эта «особая» позиция Сельвинского всегда чувствуется окружающими людьми. Это выпадает из нашего стиля. Это и нескромно, и по тону фальшиво. Это выпадает из общих принципов нашей жизни, нашей демократии, нашей социалистической дисциплины.

В отношении Сельвинского, как и в отношении многих сидящих здесь и в зале и в президиуме, бывали со стороны отдельных критиков и рецензентов неумные, ничем не обоснованные, грубые выступления. Это все, конечно, можно поправить.

С другой стороны, товарищи, очень многие из нас, писателей, и не только писателей, а вообще работников нашей страны, работавших в такие трудные времена, какие нам приходилось переживать, переходивших вместе с революцией с этапа на этап, ошибались, были биты за свои ошибки самой жизнью, критикуемы от лица жизни партией, органами партии, отдельными людьми.

А скажите, пожалуйста, кого из писателей дала в обиду советская власть, кому она не дала возможности развиваться? Только врагов, отщепенцев от народа, чуждых людей карали органы пролетарской диктатуры. Великая партия наша и весь наш народ лучше, чем няня Пушкина, няньчились и няньчатся с писателями, в том числе и с такими, которые имеют очень слабые корешки в народе, но которые для народа могут иметь еще ценность и которых поэтому народ бережет.

Возьмем Пастернака. Я думаю, что он просто находится в каком-то странном положении. Очевидно, он считает, что надо стоять особняком к общему движению народа вперед. Я не знаю, сам ли он до этого додумался или есть какие-то семь старых дев, которые на него дуют и раздувают это его представление. И он «играет» в какое-то свое «особое мнение», занимает какую-то, будто бы «самостоятельную», позицию, ставит себя отдельно от всех. Может быть в этом, по его мнению, и состоит «продолжение пушкинских традиций»?

Но, несмотря на эту его «особую» позицию, сколько времени мы разговариваем о Пастернаке, и советская власть, и не только она, но и вся наша советская общественность, литературная общественность, все люди, которые так или иначе связаны с деятельностью Пастернака, бережно его убеждают, чтобы он не лез в темный угол, а развернул свой талант на пользу народу.

А если иногда в этих условиях некоторые выскажутся и слишком резковато, вот тогда уж будь действительно мудр, как Пушкин, — настолько, что изволь прислушаться к голосу жизни, сумей даже и тогда, когда тебя критикуют с перегибами, услышать в этом голос истинной жизни. Истину возьми, а критикующего поправь!

Ликвидировать уравниловку

Теперь я хочу остановиться на вопросах, которые у нас принято называть творческими вопросами, хотя вообще все серьезные вопросы в нашей стране являются творческими вопросами.

Мне думается, что мы все еще до сих пор застряли на этапе, когда мы «подводим итоги» и собираем наше хозяйство.

Но с этого этапа нам пора переходить на новый, потому что общий подход создает уравниловку в литературе. Некоторые думают, что лучше не выделять вещей лучших, а перечислять их в ряду других произведений, худших по качеству; может быть, думают они, это будет средством борьбы с индивидуализмом и зазнайством, будет подчеркивать «равенство» писателей.

Но, товарищи, это ошибочно, потому что во всех областях жизни мы уравниловку, как несоциалистический принцип, ликвидируем, и нам уже пора и в литературе нашей ликвидировать уравниловку. Мы должны ввести, как один из обязательных критериев в оценке литературных произведений, и большой общественный и эстетический критерий, которые тесно между собою связаны. Почему это нам нужно? Потому, что мы, вместе с другими работниками искусства, в этой области являемся передовым отрядом, от которого зависит формирование эстетического, художественного вкуса самого народа.

При уравниловке эстетические вкусу могут воспитываться очень стихийно, случайно и в ложных направлениях.

Поэтому мы не должны бояться отмечать и выделять лучшее, подробно анализировать и об'яснять, почему это — лучшее. Некоторые боятся, что это повлечет за собой вкусовщину. Но этого не надо бояться. Без художественного вкуса и настоящей критики быть не может. Все настоящие великие критики обладали большим художественным вкусом.

Вспомните, как мы уже привыкли в наших докладах и в разговорах делить нашу литературу на литературу колхозную, индустриальную, транспортную, молодежную, оборонную и т. п. Но надо научиться делить ее еще на хорошую и плохую. Ведь мы прекрасно знаем, что основным содержанием всякого искусства является **человек, люди,** поставленные в определенные жизненные обстоятельства, или, как говорил Энгельс, — **типичные характеры в типичных обстоятельствах.**

Ведь самое важное для нас — определить, как рождаются новые формы социалистических отношений между людьми, новые типы и характеры людей и насколько хорошо это показано художником.

Я подчеркиваю момент эстетической оценки. Когда мы не делаем эстетических оценок, это портит многих и многих из так называемых начинающих писателей.

Мне приходится сталкиваться с рукописями начинающих. Посмотрите, какое большое распространение (это очень сильно огорчало Горького) получают рукописи, по которым чувствуется, что человек мало над ними поработал. Иногда с автором очень трудно разговаривать, ибо человек уже попал в ряды «писателей», и никак нельзя его заставить работать. Он на тебя смотрит с улыбкой. Мысль о том, что у него это написано неряшливо, растянуто, неграмотно, — кажется ему обидной, когда ты говоришь ему об этом. Нужно воспитывать его на каких-то образцах и внушать ему уважение к ним. На образцах классической литературы и современной.

Часто, видя, как легко проходят такие плохо написанные книги и как легко они получают хорошую оценку только за свою тематику, даже себя иногда ловишь за руку, как вора: написал такое-то место неважно, надо еще работать и работать, а мысль возникает такая: да ведь проходит же у других, — и у тебя пройдет.

В таких случаях обыкновенно полезно прочесть хорошую классическую книгу или пойти в картинную галлерею, посмотреть, к примеру, картину Александра Иванова со всеми эскизами и этюдами к картине, которые он сделал и над которыми работал всю жизнь. Тогда приходишь домой освеженный. Тогда говоришь себе: не славься, работай, переписывай много раз, добивайся совершенства, то, что ты для себя в уме открыл, старайся выразить **с максимальной силой.**

Уважать высокое мастерство

История дает изумительные примеры глубочайшего уважения и правдивости и по отношению к себе, и по отношению к своим современникам у величайших художников прошлого. Мы должны учиться этой правдивости, этому величайшему уважению к мастерству.

Пример такого отношения к своим товарищам дает наш гениальный Пушкин. Вспомните его стихотворение «Художнику»:

> Грустен и весел вхожу, ваятель, в
> твою мастерскую:
> Гипсу ты мысли даешь, мрамор
> послушен тебе:
> Сколько богов и богинь и героев!...
> Вот Зевс громовержец,
> Вот исподлобья глядит, дуя
> в цевницу, сатир.
> Здесь зачинатель Барклай, а здесь
> совершитель Кутузов,
> Тут Аполлон-идеал, там
> Ниобея-печаль...
> Весело мне. Но меж тем в толпе
> молчаливых кумиров
> Грустен гуляю: со мною доброго
> Дельвига нет;
> В темной могиле почил художников
> друг и советник.
> Как бы он обнял тебя! Как бы
> гордился тобой!

Изумительное стихотворение! Пушкин относится с восхищением к ваятелю и вспоминает еще об одном хорошем работнике, умершем, и говорит — как бы он радовался и гордился. Но для этого нужно знать и чувствовать, входя в мастерскую к товарищу, что тот действительно «гипсу мысли дает, а мрамор ему послушен». Признание **высокого качества** работы товарища есть основа радости, уважения, благодарности.

А что делать, к примеру, если Жаров начал писать, когда сидящие здесь Павленко, Ставский, Вишневский, да и я, и другие еще не писали, но пишет все хуже и хуже. Трудно, входя в его мастерскую, сказать: «Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе».

Мне могут возразить: откуда ты берешь смелость сказать, что тебе доступно это овладение гипсом и мрамором? Но, видите ли, никто из лучших советских писателей не достиг классического совершенства. Однако есть довольно широкий круг людей, самых разных, здесь в зале их довольно много, которые могут друг другу говорить эти пушкинские слова. Да, мы уже знаем, как это делается.

Конечно, когда Жаров встречается с Алтаузеном, то им это тоже взаимно кажется. Конечно, они друг друга похвалят и будут жаловаться на несправедливый мир, который их не признает. Поговорив, они чувствуют себя немножко сильнее.

Я это говорю не потому, что считаю Жарова и Алтаузена конченными, а я хочу сказать, что эстетические оценки развивают вкусы. Разве социалистическая демократия предполагает одинаковые оценки и одинаковые вкусы? Ничего подобного! Наоборот!

Вот почему, когда я встречаюсь с Жаровым, мы в плане искусства мало что можем сказать друг другу. А если мы встречаемся с Павленко, то именно потому, что у нас есть определенный уровень художественного вкуса, я могу говорить ему напрямки, и здесь начинается действительно настоящий разговор.

Клод Монэ говорил Фельсу:

— В наше время не говорили так: эта картина не плохая, но, знаете, в ней то-то и то-то нехорошо; или: это неважно, но что-то там все-таки есть. А говорили так: это хорошо, это плохо. Это стимулировало нас, это заставляло нас работать еще лучше.

Когда люди друг другу верят, и верят в художественный вкус друг друга, они могут говорить прямо.

Значит ли это, что нужно создать какое-то царство «небожителей»? Нет, страна наша не такая. У нас уже завтра выявятся более талантливые люди, чем мы, и окажется, что гипс и мрамор им более послушны. Значит нужно заботиться все время о молодняке, о смене. Об этом заботились всегда и старые великие мастера.

Великие мастера эпохи Возрождения сами были учениками мастеров, и от них тоже пошли ученики-гиганты.

Мы также должны внимательно работать с молодежью. Но не надо раньше времени включать их в списки, в синодики, а надо прямо говорить:

— Тебе над этой вещью нужно поработать еще год, тебе нужно сделать то-то или совсем бросить такую-то вещь.

Мы сами, критикуя друг друга, должны прежде всего говорить правду. Мы должны говорить: это плохо, по-моему, и плохо потому-то и потому-то, а это хорошо, а вот здесь нужно то-то улучшить и то-то выправить.

Этой атмосферы не внесешь и не создашь, если не будет эстетических критериев, если мы не будем оценивать вещи еще и по их художественному уровню.

Надо сказать, что при всех наших ошибках и заблуждениях мы все-таки научились хорошо чувствовать чужое и свое. И на чужое мы тут же стремительно и с открытым забралом идем в атаку. А когда это свое, но неталантливо, или недоработанно, мы почему-то стесняемся. А между тем и здесь надо правду говорить. Это создаст, во-первых, уважение к настоящей работе и, во-вторых, уважение к тем людям, которые эту настоящую работу делают. Это повысит требовательность нашей писательской молодежи к себе. Это внесет товарищеские формы отношений и большую ясность в наши дискуссии. Этого необходимо добиться, потому что это даст сильнейший стимул для соревнования.

Это даст такой же стимул соревнования, какой есть у лучших сталеваров Юга, Урала, Сибири. Эти люди, плоть от плоти нашего класса, стахановцы, они через всю страну перекликаются результатами своего труда, они соревнуются, и успех каждого является стимулом для дальнейшего роста производительности труда и его качества.

Так вот, товарищи, будем и мы в нашем художественном деле действовать так, как учил нас Ленин, написавший свои замечательные работы о социалистическом соревновании, пришедшем на смену старому волчьему принципу конкуренции.

Будем поступать и в общественной нашей литературной жизни, и в творчестве так, как учит нас Сталин: работать методами социалистической демократии, самокритики, творческого социалистического соревнования и мы, конечно, создадим такую могучую и прекрасную литературу, какой мир еще не видел. В этом можно не сомневаться. **(Аплодисменты).**

СОВЕТСКИЙ ПОЭТ — ПОЛИТИЧЕСКИЙ БОЕЦ

Речь тов. В. Луговского

Пушкин — зеркало нашей поэзии

— Товарищи, с именем Пушкина, с именем великого русского народа, из которого он вышел, связан наш пленум. Поговорим о Пушкине, о народе, о поэзии. Поэзия без читателя не существует, а под истинным читателем мы, советские писатели, должны разуметь весь народ.

Пушкин гениально знал своего читателя. Он обращался к нему множество раз, потому что любил и уважал свой народ.

В эти пушкинские дни с необыкновенной ясностью обнаружилось, чего хочет сейчас читатель. Наш читатель не хочет шаманства, не хочет жонглерства, не хочет слов ради слов и рафинированного многословия. Ведь многословие, — это остаток тех чисто эстетских традиций, которые из жизни и творчества писателя делали абсолютную иллюзорность.

Читатель хочет ясных, жизненных, простых в самом высоком и лучшем смысле этого слова стихов, стихов о героях, о мужественных, умных людях. Он ждет от поэта полного голоса, он хочет чистого, крепкого, всем понятного языка.

Пушкин — это зеркало нашей поэзии, зеркало, в котором каждый видит самого себя. Каждый поэт со своими недостатками и достоинствами, со своим стилем и языком виден целиком, когда он говорит о Пушкине.

Для Пушкина поэзия была содержанием всей жизни. Он не мыслил себя изолированно от поэзии, а поэзию — от жизни своего народа.

Что же происходит в нашей поэзии? Многие ли из наших поэтов целиком живут искусством, выражая стихами все свои мысли, переживания, тяжелое и радостное настроение? Нет. И лично про себя я скажу, что не мало времени у меня занимает всяческая житейская суета, и мне горько и больно это признавать.

Далее. У нас слишком много профессионализма, слишком много мы **пишем** и мало **живем,** используя все богатства и многообразие советской жизни.

Поэты пушкинской эпохи видели 1812 год. Батюшков, Вяземский, Жуковский, Пушкин — все они писали о 1812 годе, потому что не могли не писать, потому что молчать об этом было дико.

Какое богатство жанров у Пушкина. Радостное настроение у поэта — он пишет веселую, задорную вещь. Мудрое, сосредоточенное — он пишет стихи величайшего философского значения. Шутливое — шутку и т. д.

А у нас серьезно говорят, что существуют поэты оборонные, поэты-лирики, поэты-песенники, поэты агитационные и поэты-пародисты. Что это такое? Поэт должен говорить и петь обо всем, смеяться, радоваться, размышлять, быть гневным. **(Аплодисменты).**

Простота, содержательность, лаконизм в поэзии

И отсюда непосредственно вытекает замечательная простота, жизненность пушкинской интонации, потому что, если пишешь все обо всем, живя, кипя, то и интонация твоя будет естественная, живая. Такая интонация была у Маяковского.

Но вот я читаю у Пастернака, что он «сосет ледяной лимон обеден сквозь соломинку луча»...

Пушкин обладал высоким чувством меры и безупречным знанием того, о чем он пишет. Чувство формы, уважение к форме, гордость за себя, как художника, который владеет формой, заключается не в том, чтобы писать огромные вещи различными размерами или выкидывать кунстштюки, а в том, чтобы в наименьшее количество строк вложить наибольшее количество мыслей и переживаний.

Краткость — это есть подлинная установка Пушкина. Это закон песни. Каждая строфа Онегина нужна для всей поэмы, потому что она является как бы ключом, радиоволной, на которой держится вся поэма.

А вот возьмите «Челюскиниану» Сельвинского.

Мне сегодня было очень неприятно читать в «Известиях» статью о Сельвинском. Это не метод критики, Сельвинский нуждается в серьезной, жестокой, но обязательно аргументированной критике.

Но я не понимаю все-таки, если говорить серьезно и глубоко, почему формальный изыск здесь, в этой поэме, должен сводиться к тому, чтобы без конца менять ритмы, срывать размеры, вводить прозу и т. д. Ведь умение писать всеми размерами еще не вводит нас в подлинную поэзию.

Примерно на это когда-то указывал Пушкин, говоря о Жуковском:

> Послушай, дедушка, мне каждый
> раз,
> Когда взгляну на этот замок
> Ретлер,
> Приходит в мысль: что если это
> проза,
> Да и дурная?

В поэме Сельвинского есть действительно хорошие куски, о природе особенно, но они не сдерживают всей гигантской рыхлой массы этого «Замка Ретлер».

Пушкин был создателем русского литературного языка. Из уважения к нашему народу, из уважения к нашей истории мы должны любить и беречь, холить, растить наш великий народный язык и его законы. Экспериментировать можно сколько угодно, но искажать — никогда.

Я прямо говорю Илье Сельвинскому, что я не понимаю, каким образом, можно писать: «изумляя» вместо «изумив», или «отливает червонное масло кляксами об чашку», или, цитируя речь Ленина, сказать: «этот оборот нужно выправить от ушиба». Или, описывая битву орлов, сказать: «свища вихри». Или «Лошадиных старался, честно ударствуя». Это противоречит законам великого русского языка.

Страшен отрыв от народа

Неустанная мысль была у Пушкина о своем народе, о себе как о части народа. Уважение к народу, к его языку, истории.

А у нас в поэзии много провинциализма, который выражается в способности легко писать общие фразы и не уметь любовно описать свое родное село, свой город.

Страшен отрыв от народа. Сельвинский спрашивал нас здесь, почему ему так тяжело и плохо?

Мы скажем: ведь издавна ты непременно хотел считаться королем поэзии. Это была установка Сельвинского. Знаменателен его «Конь полководца», все эти разговоры о Пушкине, о Маяковском.

Когда умер Маяковский, Сельвинский писал: «Я принимаю твое наследство, как принял бы Францию германский король». Это опасная самонадеянность. Академик Павлов, гениальный русский ученый, поставил памятник «неизвестной собаке», — всем собакам, над которыми он проводил свои опыты. Животному с уважением поставлен памятник.

А Сельвинский пишет, что он «идет среди воя собак своею привычной походкой тигра». Под собаками он разумеет людей, своих товарищей! Скажем в лицо Сельвинскому: нехорошо!

Пастернак говорит, что вакансия поэта опасна, если не пуста. Это отвратительно. И неверно, что вакансия поэта пуста. Из недр нашего народа идут настоящие поэты, много поэтов работает у нас. Многие еще работают плохо, но будут работать лучше.

То, что профессия поэта опасна, это верно, но в другом смысле. Целый ряд испанских поэтов расстрелян фашистами. Их расстреляли за революционные стихи. Это показывает, что профессия поэта опасна, если он жизнь свою, действительно целиком, до конца готов отдать революции.

Когда Пастернак пишет:

> Революция — ты чудо,
> Хорошо, что мы вдвоем.
> Ты виднее мне отсюда,
> Чем из творческих ярем...

Мы знаем, что так можно говорить гимназистке, а не эпохе, не революции.

«Правда» часто печатает национальных поэтов, народных поэтов. Возьмем Джамбула, который только что вышел из родных кочевий. Он видит, как радостно растут новые поколения его страны, и поэтому он правильно адресует свои песни, у него правильный посыл к эпохе. За это я уважаю народных поэтов братских республик, таких, как Джамбул, Сулейман Стальский и другие.

Нужна высокая бдительность

Два с половиной года протекло со времени с'езда писателей. Речь Бухарина на с'езде неправильно, вредительски ориентировала нашу поэзию, пытаясь отвлечь ее от боевых, широких, настоящих задач. Мы сейчас должны сказать свое простое, честное и ясное слово. В наших стихах должна быть ясная и глубокая оценка всего, что происходит, должно быть ощущение всего, что рядом с тобой и внутри тебя. Мы хотим знать и должны знать, кто находится рядом с нами — товарищ, друг, враг. Будем чувствовать себя бойцами. Нужна полная ясность, и нужно помнить, что каждое твое туманное слово, каждая неясная речь, каждая твоя фраза, случайно брошенная в поэзии, может быть использована врагом, использована немедленно.

Нужна непримиримость, настоящая большевистская непримиримость.

Нужна высокая бдительность. Сколько мы говорили о пресловутом Павле Васильеве (не очень хочется в конце речи упоминать о нем), сколько призывали — уберите с пути советской поэзии этого человека. А сколько здесь было проявлено самого скверного либерализма!

Каждого нашего товарища мы должны спросить: хочешь ли ты работать для народа, стихами, близкими и понятными великому народу, хочешь ли мыслью своей, с радостью своей, восторгом своим целиком обращаться к народу? Пусть каждый начистоту скажет, чего он хочет и пусть он будет тогда отвечать за все, не замыкаясь в свою скорлупу.

Советский поэт есть и будет политическим бойцом. **(Аплодисменты).**

ПИСАТЕЛИ КАЗАХСТАНА

Речь тов. С. Сейфуллина

— После первого всесоюзного с'езда ССП советские писатели Казахстана проделали большую работу.

В 1935 году Казахстан праздновал 15-летие со дня образования Казахской советской социалистической автономной республики, и советские писатели Казахстана с помощью ленинградской бригады писателей во главе с т. Соболевым выпустили сборник художественных произведений, посвященных 15-летию нашей республики, на двух языках — на русском и на казахском.

В 1936 году Казахстан повсеместно отмечал у себя 20-летие восстания казахского народа против царизма.

Мы, советские писатели Казахстана, считали себя обязанными всесторонне осветить эту тему в нашей художественной литературе. Драматург Мухтар Ауэзов написал интересную драму под названием «Ночные раскаты». Майлин написал пьесу «Амангельды» об одном знаменитом герое казахского народа, поднявшем знамя восстания против царизма. Тов. Майлин написал либретто для кино на эту же тему и вместе с т. Вс. Ивановым пишет роман под тем же названием.

Муканов заканчивает роман «Загадочное знамя».

Мною написана первая часть большого романа под названием «В те годы». Абд. Калыров, Ташбаев и другие наши поэты написали ряд поэм.

Советские писатели Казахстана активно участвовали в конкурсе на лучшее либретто для кино на тему о социалистическом строительстве, о росте нового человека в Казахстане за 15 лет существования Казахской советской автономной республики.

Написано было около 25 либретто. Два либретто были премированы (Сайдашева «Ковыль» и мое либретто под названием «Плоды»).

Многие наши поэты, и писатели участвовали в конкурсе на лучшую поэму о героическом походе челюскинцев. Первую премию получила поэма Муканова под названием «Белый медведь».

Писательская организация Казахстана собрала и выпустила большой сборник стихов, песен и рассказов, посвященных памяти т. Кирова. В этом сборнике писатели выразили горячую, беспредельную любовь своего народа к другу и учителю — С. М. Кирову. Вместе с тем они выразили глубокое презрение казахского народа к троцкистам, зиновьевцам, подлым фашистским агентам, врагам народа.

В 1936 году писатели и поэты Казахстана уделили большое внимание переводам Пушкина на казахский язык. Это была трудная и ответственная работа.

После первого с'езда советских писателей переведены также: «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя, «Воскресенье» Толстого, «Обломов» Гончарова, «Отцы и дети» и «Рудин» Тургенева, «Без языка» и «Слепой музыкант» Короленко, избранные рассказы Чехова, «Мои университеты», «В людях» и другие произведения Горького. Переведены избранные стихи Демьяна Бедного, «Разбег» Ставского, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Мятеж» и «Чапаев» Фурманова, «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, «Капитальный ремонт» Соболева, «Человек меняет кожу» Ясенского и т. д., затем — «Таинственный остров» Жюль-Верна, «Робинзон Крузо» и «Тысяча и одна ночь».

После I всесоюзного с'езда советских писателей писатели Казахстана выпустили ряд книг.

Тов. Джансугуров написал поэму «Кулакер» и роман «Волдастар». Сейчас он работает над второй частью романа.

Муканов написал «Темиртас», пишет вторую часть.

Ауэзов написал пьесы «Тас-Тулик» и «Балстан». Пишет роман «Абей».

Сабир Шарипов написал роман «Рузый Ираи». Пишет роман «Салия».

М. Давлетбаев написал «Кызыл-Жар». Пишет вторую часть.

Турманжанов пишет роман «Балхет».

Абдыкадыров пишет «Пахта Арал».

Жароков — поэму «Таскын» о социалистическом городе.

Камалов написал пьесу «Таргын», пишет «Бекат».

Я написал и выпустил книгу повестей и рассказов под названием «Айшэ», пишу роман из современной жизни Казахстана под названием «Наша жизнь».

За это время, помимо чисто художественных произведений, многие наши писатели были заняты составлением учебников по казахской литературе для средней школы.

Затем все мы написали по 1—2 детских книги. Нам приходится быть универсальными, что, конечно, очень мешает основной работе.

Последние три года у нас быстро растут новые, начинающие поэты и писатели. В качестве главного редактора переводов Пушкина и редактора сборника, посвященного т. Кирову, я получал и получаю из различных отдаленных районов, от молодых советских людей множество поэм, стихов и повестей на темы сегодняшнего дня. Молодой казах железнодорожник Рахимбеков написал поэму о Пушкине. Поэт Джангабул прислал несколько поэм. Со снеговых алтайских гор Джумавун прислал повесть. Из далекого Владивостока матрос нашего Тихоокеанского флота Агишу прислал поэму о наших героях-пограничниках.

Какие трудности встречаются в нашей работе?

Трудности имеются в вопросе о переводе наших лучших национальных произведений на русский язык. Здесь, по меткому выражению т. Накорякова, нам не всегда удается пробиться сквозь толщу редакторов.

Что также очень важно, мы не получаем той помощи, которая нам необходима, от русских советских писателей. К нам они редко приезжают. Была у нас ленинградская бригада во главе с Соболевым. Был у нас тов. Рождественский. Он перевел стихи нашего знаменитого казахского классика Абая.

Приезжали к нам тт. Березовский, Санников и Вс. Иванов, которые помогли нам в работе, но эта помощь недостаточна.

Тов. Ставский сказал о командировках или о прикреплении отдельных поэтов и писателей наших столиц к отдельным областям и краям. Было бы хорошо применить это и в отношении национальных республик.

От имени нашего правительства и нашей организации еще раз, с трибуны пленума, приглашаю приехать к нам писателей: Фадеева, Панферова, Вишневского, Павленко. Из Грузии: Яшвили, Табидзе. Из Армении: Зарьяна и др.

Советские писатели Казахстана не могут жаловаться на плохие условия работы. Наша партийная организация всемерно помогает нам.

Уверен, что советские писатели Казахстана с помощью руководства правления ССП и нашей партийной организации в Казахстане встретят двадцатую годовщину Великой Октябрьской Революции рядом произведений, посвященных обороне нашей великой социалистической родины, произведений, показывающих величие нашей сталинской эпохи. **(Аплодисменты).**

КНИГИ

«Железная утка»

Маленькая, лаконическая книжка. Она только на одно мгновение дает возможность взглянуть на события, и все же у читателя остается сильное впечатление от прочитанного. Досадуешь на писателя только за его... скупость.

Три рассказа о Японии. Япония — страна высокой техники и социальной отсталости, страна средневековых предрассудков, неприкрытого рабства, страна воинствующего фашизма и хищнической политики, где предрассудки первобытного человека живут среди людей, представляющих «культурную» Японию. Вот школьный учитель покупает себе жену, выплачивая ей по нотариальному договору по 45 иен в месяц за «добросовестное» выполнение супружеских обязанностей. Над этой женщиной, как и над сотней тысяч ей подобных, нависло большое несчастие: она родилась в 1905 году, то есть в «год лошади». Поэтому она обречена на безбрачие и на самоубийство. «Смерть, неудачи, увечья ждут всякого, кто рискнет жениться на хиноэ-ума — женщине, родившейся в «год лошади». Жених бросит невесту, суеверный солдат уйдет от проститутки, заклейменной хиноэ-ума.

Жена учителя, вначале скрыв от него правду, потом «призналась» в «преступлении». Ей приходится оставить дом почти нищей, и через 17 месяцев она погибает на «черной каторге», сломленная непосильной тяжестью угольных ящиков. Об этой правдивой и печальной истории рассказывает С. Диковский в «Госпоже Сливе».

Но в Японии уже пробуждается новый человек, который ведет упорную борьбу за свое освобождение. Тупой цензор борется с «вольными мыслями» и запрещает пьесу для рабочего театра, потому что считает безнравственной японскую женщину, посмевшую уйти от мужа. «Так поступают только русские женщины», — поучает цензор руководителя рабочего театра.

Но театр живет, хоть он и ютится в пакгаузе. Здесь вечером его наполняют те, кто хочет почерпнуть немного бодрости и энергии для борьбы за свои права. Здесь зарождаются первые революционные чувства у осознавших свое рабское положение людей, в иоступлении кричащих: «бей его, так и надо», когда на сцене арестованные избивают своего стража («Клетка»).

Японские рабочие ведут смертельную борьбу с эксплоататорами. Полиция окружила фабрику, где бастуют рабочие. Шесть суток на сорокаметровой вышине, у горла фабричной трубы, как грозный перст стоит рабочий, показывая всему многомиллионному городу и сотням иностранных матросов, что японский рабочий пробудился, протестует, бросает вызов капитализму, что он готов умереть, но не уступить. Шесть дней выше всех развевается живой революционный флаг, и, когда победа уже близка и отважный обессиленный знаменосец спускается с трубы, он попадает в провокаторские полицейские руки («Труба»).

Автор приближает об'ектив к советским берегам. Вот она, «Железная утка» — советское сторожевое судно «Красный сокол», арестовывающее крупный японский пиратствующий краболовный завод. Мужеством веет от каждого человека этого судна, бесстрашно ныряющего в волнах дальневосточных морей. Бесстрашие и выдержка советской команды обезоруживают провокацию японских пиратов, которые в конце концов вынуждены сдать «железной утке» награбленное в советских водах добро и с вежливой улыбкой уплачивают штраф.

Затем автор переносит действие на советскую территорию. Два рассказа об охране наших сухопутных границ — это рассказы о двух поразительно скромных, но мужественных героях, отдающих свою жизнь в борьбе с нарушителями границ и диверсантами. Эти волнующие картины преподнесены в таких простых тонах, что невольно спрашиваешь себя, — неужели об их подвигах не знает вся страна?

Это все, а хочется еще новых таких же миниатюр. Но мы уже сказали, что автор скуп. Мастерство его заключается в том, что в небольшом рассказе он умещает много явлений реальной жизни и так ярко их освещает, что запоминается каждая деталь.

Можно простить автору отдельные шероховатости в языке, в развитии действия, некоторые неудачные метафоры, ибо в целом С. Диковский прекрасно владеет словом.

Рассказы Диковского согреты революционным сочувствием к угнетенным массам человечества. И в то же время эти рассказы полны гордостью за нашего нового, социалистического человека.

Маленькая книжка рассказов Диковского дышит человеческой теплотой и искренностью — это залог дальнейшего роста молодого писателя.

И. РОБИН

С. Диковский. Железная утка. (Рассказы). 159 стр. «Молодая гвардия». 1936 г.

ПРАВДИВЫЕ РАССКАЗЫ

Азчериздат выпустил небольшую книжку рассказов Михаила Никулина «Встречи» *. Имя автора неизвестно в широкой литературе. Но всякий, кто прочтет эту маленькую книжку, почувствует, как богата молодыми талантами наша страна.

Хороший реализм, простота, искренность — основные свойства рассказов М. Никулина. Перед нами обыкновенная жизнь, обыкновенные рядовые люди до революции, во время гражданской войны, в период социалистической стройки. В рассказах все **естественно**, все на своем месте, всему веришь от начала до конца.

Вот рядовой Семен Беркутов («В пути») ведет в штаб белой дивизии пленного большевика. Полдень. Голубое ясное небо — «осенний погожий день в степи».

По манерам, по ряду особых примет конвоир узнает в пленном своего человека, «братуху», овчара.

— Братуха, скажи по совести: ты же овчар.

Все непреложнее, все настойчивее начинает чувствовать конвоир в пленном не врага, а своего, совсем своего человека одной судьбы.

Издевательства офицерика в белом штабе, куда привел Беркутов пленного, рушат все преграды, сознание окончательно проясняется. Из белого штаба пробираются к красным уже не конвоир и пленный, а «рядом, плечом к плечу» два брата, два союзника.

Что необыкновенного в этом сюжете? Разве не встречались такие «случаи» на каждом шагу? Разве не типичен этот переход сынов трудового народа на сторону Красной армии? Конечно, все правда, все естественно, все типично. Автор рассказал о том, что было в его сердце, о знакомых, живых, родных людях. И не пришлось ему ломать свой язык, придумывать необыкновенные положения, прикрывать отсутствие чувств и незнание жизни пестрой, как павлиний хвост, фразой.

А вот еще рассказ. Неожиданно является к колхозному конюху изгнанный из колхоза кулак Волгин («Гость»). Волгин напоминает Петра Сторожева из «Одиночества» Вирта. То же одиночество, та же социальная изоляция.

Михаил Никулин очень выразительно показал бессильную, бешеную злобу врага.

Эта злоба раскаляется при виде торжества в деревенской жизни новых принципов: уважения к человеку, коллективного труда, технической культуры. Автор показал эту всевозрастающую и становящуюся все более бессильной злобу. Здесь правда жизни.

Народ, с таким трудом завоевавший право на счастье, на радость, на культуру, плечом к плечу будет защищать свою новую жизнь. От'явленной злобе врага не найти тропы к народному сердцу.

Рассказ «Сестры» — о прошлом. О женской горькой доле.

В семье три девушки. Младшая, Маришка, молода, хороша, первая песельница. Ей хочется выжить старших сестер, чтобы они ушли со двора, «тогда ее сумеют одеть и выдать замуж». Маришка язвит:

— Брови у тебя красивые, черненькие, немного курчавенькие, и волосики в них сидят густо... Но грош цена всему, если «девица плохо одета»... И уж совсем невтерпеж этой девице, если ей стукнуло двадцать семь годов. Одно ей остается — отправляться в монастырь и там обливаться слезами... «И вот скажу тебе, Аниска, что я сужу так: надо тебе уходить...»

Да, печальна судьба Аниски. Читатель видит перед собой ее вылинявшую зеленую шаль, пеструю ситцевую юбку и заплаканное лицо.

Особого внимания заслуживает рассказ «На разветвлении дорог», самый цельный по своей художественной конструкции. Владелец хутора Вальков и батрак Митрич, их характеры, их взаимоотношения, бытовая обстановка, природа, животный мир — все запоминается до последней детали. Читатель видит и желтого, белобрюхого кота, и тяжелые замки на амбарах, конюшнях и сундуках, и вилы, со злобой брошенные хозяином на землю, и снежные просторы, лежащие кругом, яры, лощины, белые январские степи...

Батрак Митрич с волнением и радостью прислушивается, как где-то близко «гудет уже давно». Это приближаются красные. То, что великой надеждой «гудет» в сердце Митрича, то злобой разворачивает нутро хозяина.

Оставив хутор на жену, хозяин бежит от красных, обманом берет с собой Митрича и в дороге убивает его как опасного свидетеля своих преступлений.

Хозяин ненавидит Митрича больше всего за то «превосходство» над собой, которое дали Митричу приближающиеся красные. В то время, как в Митриче, вчерашнем батраке, покорном и безгласном, пробуждался человек, в хозяине дикий зверь побеждает все человеческое.

Этот рассказ представляется нам своеобразной полемикой с рассказом Л. Толстого «Хозяин и работник».

Не телом своим отогревает, спасает от смерти хозяин своего работника, а убивает его.

Не блаженная покорность работника перед смертью, не апелляция к богу, а протест, желание жить, апелляция к революции.

— Товарищ! Красный товарищ! Он убить хотел... — взывает перед смертью Митрич к возникшему в его воображении сильному, справедливому всаднику с винтовкой за плечами и с шашкой на поясе.

Много слабее, совсем в другой манере, написан рассказ «Протянутая рука». Рассказ этот неудачен. И прежде всего потому, что здесь изменило автору чутье художника-реалиста. Вместо естественных, правдивых положений и характеров — та сусальность, та «натянутая ложная идеальность» (Чернышевский), которая превращает живое слово художника в лубочную литографию.

Молодой приказчик Ванюшка, защищая честь любимой девушки, был избит полицейскими и ослеп. Девятнадцать лет скитался слепой гармонист Ванюшка по городам со своим отцом поводырем. Потом попал в колхоз той станицы, где жил до скитаний. Ванюшку приютили, сделали колхозным гармонистом и через две недели устроили ему чествование (для вручения книжки трудодней), куда с'ехались и председатель райкома и председатель райисполкома, вообще знатные люди всего района.

Туда же привозят бывшую возлюбленную Ванюшки, дабы поженить их.

Чтобы сделать эту сцену наиболее трогательной, в разгар чествования автор заставляет гармониста, по привычке девятнадцатилетних скитаний, протянуть руку за милостыней. Все страшно расчувствовались. Бывшая возлюбленная пылает к Ванюшке прежними чувствами и увозит его с собой.

И самое главное, что за 19 лет Ванюшка ни капли не изменился: все такой же лубочный красавец с голубыми глазами, которых даже не испортила слепота. Со всех сторон сплошное розовое, безвыходное благополучие.

Для того чтобы показать внимание к человеку в нашей стране, совсем не надо протянутых рук, лубочных красавцев и чувствительных секретарей райкома.

Во всех остальных рассказах М. Никулина нет и следа «натянутой, ложной идеальности». В рассказах этих прежде всего радует честный и трезвый реализм, т. е. естественность, правдивость и искренность.

Б. БРАЙНИНА

* **Михаил Никулин. Встречи.** Рассказы. Азчериздат. 1936. 96 стр. 8.000 экз. 1 р. 75 к. Редактор Г. Кац.

К. С. Петров-Водкин. «Портрет девушки у окна»
(Выставка картин и рисунков К. С. Петрова-Водкина)

Вечер Тициана Табидзе

Крепка и неразрывна братская дружба между народами нашей страны. Она проявляется ежечасно во всем — и в большом и в малом. Она как цемент связывает писателей и поэтов всех национальностей СССР в один мощный отряд советской литературы.

Ярким проявлением этой великой дружбы, этого великого творческого союза был организованный на-днях в Доме советского писателя вечер грузинского поэта Тициана Табидзе.

На вечер пришли московские писатели, поэты Армении, Азербайджана, и когда все собрались, то оказалось, что большой зал писательского клуба не может вместить всех желающих присутствовать на чествовании грузинского собрата.

С глубоким вниманием слушает аудитория рассказ Тициана Табидзе о его творческом пути (подробно он был освещен в докладе В. Гольцева), о замечательном расцвете Грузии, о духовном возрождении грузинского народа, о грандиозных победах его на фронтах культурного и хозяйственного строительства. В красочных, проникновенных словах поэт рассказывает о гигантской работе, проделанной советской властью по осушению колхидских болот. Там, где раньше вымирали от лихорадки целые деревни, где звенел, не умолкая, «оркестр лягушек»,

Где не было дыханию отдушин,
Где в хижинах всегда был воздух сперт, —

сейчас «ликует край счастливый и свободный».

И особенно взволнованным становится голос Табидзе, когда он говорит о дружбе народов советской страны, о том, что

Дом у нас единый и одна дорога,
И в горах Кавказа поселился мир.

— Мы люди одного дыхания, одной эпохи, и все, что пишется нами, — достояние народа! — восклицает поэт.

Аудитория дружными аплодисментами выражает свое полное и безоговорочное согласие.

В зале появляются встреченные продолжительной овацией бойцы революционного Мадрида — испанский поэт Рафаэль Альберти и журналистка Мария-Тереса Леон.

Тициан Табидзе читает стихотворение, посвященное героической борьбе испанского народа за свою свободу, и подносит дорогим гостям сборник стихов грузинских поэтов об Испании. Тов. Альберти благодарит и обещает передать книгу защитникам Мадрида.

Один за другим поднимаются на трибуну поэты и писатели-орденоносцы Самед Вургун (он обязуется перевести на тюркский язык лучшие стихи Табидзе), Демьян Бедный, Наири Зарьян, Фадеев, Антокольский, Пастернак, Светлов, Долматовский, Державин, Б. Брик.

Они читают переводы стихов Табидзе, свои стихи об Испании, приветствуют Тициана Табидзе и испанских писателей. И в каждом их слове чувствуется гордость за успехи своего товарища, ставшего одним из выдающихся советских поэтов.

В ответ на обращенные к испанским писателям приветствия Рафаэль Альберти прочел поэму о защите Мадрида и перевод на испанский язык стихотворения М. Светлова «Гренада». Мария-Тереса Леон рассказала о борьбе революционной Испании с мятежными бандами Франко.

Творческий вечер Тициана Табидзе превратился в радостный праздник братского единения революционных народов, в праздник интернациональной поэзии.

И прав был т. Зарьян, сказав, что счастлив Табидзе, присутствуя в расцвете своих творческих сил на этом вечере, который лишний раз свидетельствует о всесоюзном характере творчества поэта, о признании его таланта всей Советской страной и нашими зарубежными друзьями.

В. АНОВ

ЦИЦЕРОНИСТАЯ МАНТИФОЛИЯ

★

Опять о комментариях

★

— А я, братец, к тебе!... Умер один из наших, сейчас его на тот свет отправляем, так надо, братец, сказать на прощанье какую-нибудь чепуховину... На тебя вся надежда... Блины будут, закуска... на извозчика получишь. Поедем, душа! Разведи там, на могиле, какую-нибудь мантифолию поцицеронистей, а уж какое спасибо получишь!

(А. П. Чехов. «Оратор»).

Знаете ли вы, что такое «Адмиралтейский шпиль»? Это — «сооружение, напоминающее по форме иглу. Построено в эпоху царизма на одном из правительственных зданий бывш. Петербурга (адмиралтейство) для олицетворения «мощи» самодержавия». Почему мощь самодержавия наиболее выразительно олицетворяется иглой — неизвестно.

А что такое Реомюр?

«Реомюр — термометр, прибор, измеряющий нагрев и охлаждение воздуха, его температуру».

А что такое телескоп? «Телескоп — подзорная труба, приближающая тела, находящиеся на далеком расстоянии от земли».

А что такое гомеопатия? «Гомеопатия — особый способ лечения, при котором больному даются средства, которые у здорового вызывают болезнь, родственную заболеванию лечащегося».

А что такое аллопатия? «Аллопатия — способ лечения, при котором болезненные явления лечатся средствами, вызывающими противоположные болезни явления».

А что такое турнюр? «Турнюры — подушечки, пришивавшиеся к старинным платьям для придания фигуры».

А что такое джентльменство? «Джентльменство — попытка казаться благовоспитанным, образованным».

А что такое литературные комментарии и пояснения?

Когда их делает Ф. Х. Бутенко, то все вышеприведенное и есть литературные комментарии. Сомневающиеся да заглянут в книгу первую избранных повестей и рассказов А. П. Чехова, изданную 50-тысячным тиражом в серии «Дешевой библиотеки Гослитиздата» в 1936 году. Из принадлежащего тому же автору биографического очерка Чехова читатель равным образом узнает немало нового, например, что «в произведениях «Вишневый сад», «В усадьбе», «В родном углу», «Ариадна», «Свирель» и др. он (Чехов) «дал неподражаемые картины «угасания» дворянской усадьбы, показал бессилие и растерянность ее обитателей — помещиков перед новой силой, завладевающей жизнью, — капитализмом».

И как это до сих пор нам казалось, что в **четырех из пяти** названных произведений Чехова и в помине нет «угасания дворянской усадьбы перед завладевающим жизнью капитализмом»!

Далее мы узнаем, что в повести «Степь» «с исключительной живостью и правдой изобразил Чехов тяжелую участь крестьянской бедноты под гнетом полицейского режима». Вот уж никак не ожидали!

Ф. Х. Бутенко «исправляет» не мало ошибок, прочно вкоренившихся в биографию Чехова. Так, мы узнаем из его биографии, что в почетные академики Чехов был избран в 1901 году, и даже такую поразительную вещь, что Антон Павлович «похоронен в Крыму (Ялте)» и таким образом могила писателя на кладбище б. Новодевичьего монастыря в Москве — фиктивна.

Подстать всему и стиль биографического очерка, в чем читатель мог убедиться даже и по немногим приведенным нами цитатам.

Неизмеримо лучше отказаться от пояснений и комментариев чем разводить на могиле классика цицеронистую мантифолию. И уж сколько раз об этом говорилось, а «бутенковские» предисловия и биографии процветают попрежнему.

Помню, во времена оны в бане одного уездного города все «хозяйские» простыни имели на себе печать: «сия простыня без клейма не действительна». В каком смысле следовало это понимать — не знаю до сих пор.

Точно так же и сейчас я не понимаю, почему «Палата № 6» или «В овраге» без Бутенко — не действительны. Попробуйте и увидите, что читатель ни мало не посетует, если его оставят лицом к лицу с ясным, как солнце, Чеховым. И право же, наш читатель и без просвещенного содействия со стороны Бутенко как-нибудь доберется до понимания таких слов, как «биллиард» и «Реомюр».

Полезно это будет и Ф. Х. Бутенко: освободясь от обязанностей редактора, он прочтет Чехова, узнает его биографию, а то сейчас ему недосуг этим заниматься.

Упростится, наконец, и работа аппарата Гослитиздата: взял книгу классика, перепечатал — и дело с концом. А то изволь-ка найти редактора книги, да к нему еще ответственного редактора, да чтобы обоим было известно не только, что такое гомеопатия и телескоп, но и в каком городе Чехов похоронен.

А. ДЕРМАН

А. ДРОЗДОВ

Выход в счастье

Я теперь передумаю сам себя заново.

Андрей Платонов, «Бессмертие».

1

Творческий мир Андрея Платонова долгое время был душен. Плодовито его заселяло специфическое платоновское племя: уроды, чудаки, маньяки и кликуши, фантастические правдолюбцы, старушки-вещуньи, упадочники и мечтатели. Они проходили по миру, как по серой от золы земле, на которой никогда не растет трава, и путь их не имел видимой цели, — чорт его знает, откуда они отчаливали, куда шли и, встречаясь, затем мучили друг друга, да и самого автора. Платонов в творческом воображении воздвиг собственную литературную державу, в которой, с его тяжелой мрачно-сатирической руки, начали обитать эти олитературенные, то-есть нежизненные люди-химеры.

Зрелище это было дико и печально.

Друг Пушкина, кн. П. Вяземский, критик и поэт, острослов и умный циник, однажды обмолвился в своих записках:

«Есть сивушный патриотизм; этот пагубен; упаси боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная.»

Быть может, слишком резко называть былое творчество Платонова литературной горячкою. Но эта мысль невольно просится. А так как горячечные герои Платонова носили честные советские фамилии, имена и отчества и родина их называлась Страной советов, то получалось дикое искажение нашей действительности, художественный поклеп на нее. Вместо лица нашей страны мы видели гримасу страны воображенной и самозванной.

Душный творческий мир Платонова и метод его «стихийствующего» письма не мог не привести к ряду тяжелых, опустошающих, бедственных ошибок. Этот своеобразный писатель, запутавшись в ловушках своего худо воображенного мира, зашел в тупик. Живя в нем, итти дальше было некуда. Повести «Усомнившийся Макар» и «Впрок», появившиеся в эпоху коллективизации, отчетливо играли наруку классовому врагу. Самой логикой вещей Платонов или должен был замолчать, или незасоренными глазами посмотреть на мир, полный настоящих, а не вымышленных событий, увидеть бесценных людей нашей родины, их мужество, их борьбу, их чувства.

Время не спрашивает:

— Что ты хотел сделать, писатель?

Оно ставит вопрос круче:

— Что ты, писатель, сделал?

2

Андрей Платонов в последнее время написал цикл очень интересных и острых рассказов, лучший из которых — «Бессмертие» *). Рассказ посвящен людям, работающим на железнодорожном транспорте, и говорит о том, как хорош, как глубок человек нашей страны, как он чуток и человечен, как цели, которым он служит, окрашивают его жизнь новым светом. Платонов стремится решить сложнейшую проблему положительного героя, причем берет проблему не внешне, но вглубь, идет не по ветру, а против ветра, не обходя трудности, а навстречу им. Насыщен красками и светом, полон богатством жизненных противоречий глубокий мир последних его рассказов.

В «Бессмертии» выведен начальник станции Левин, человек тяжелого детства, раскрывший в наши дни все силы своей недюжинной личности. Многого достит Платонов в своем рассказе: вам кажется, что вы Левина давно знаете; что вы его видели; что вы его любите. Вам было известно даже то, что он отлично работает. Но вам как-то все некогда было додумать этого человека до конца, докопаться до его **секрета**: почему у него так здорово спорится работа, почему ему повинуются люди, почему одно слово Левина, физически невидного, скромного в обращении, почему одно слово его заряжает людей электричеством воли? Платонов в рассказе как бы устраивает вам с Левиным очередную встречу. И встреча эта решающая. После рассказа вы знаете Левина до конца. Вам открыт его **секрет**.

В чем этот секрет? В чуткости к людям.

Показан день жизни Левина, и основное, что вы видите в этом начальнике станции, — полное сращение личного и общественного, когда общественное становится личным, и человек живет единой страстностью и на работе, и у себя дома. Именно так рождается цельность социалистического человека наших дней. «Ему давно стало ясно, что транспорт в сущности простое, нетрудное дело; но отчего же он требует иногда не обыкновенного, естественного труда, а страдальческого напряжения?.. Мертвый или враждебный человек — вот трудность! Поэтому нужно постоянно, непрерывно согревать другого человека своим дыханием, держать его близко, чтобы он не мертвел, чтобы он чувствовал свою необходимость... Но пока далеко не у всех людей душа обращена вперед — в работу и в будущее; у многих она гнездится далеко в тылу».

Этот враждебный тыл у людей — будь то неслаженная семейная жизнь, как у составителя поездов Полуторного, или жадность к легкой копейке, как у составителя Захарченки, или горькая водка да вязкая скука, как у Пирогова, — эту неотмытую грязь прошлого на теле окружающих его людей Левин принимает, как свою собственную, отношение у него к ней беспощадное, его борьба с «тылом» прямолинейная и непримиримая. Ему известно, что «маленькие происшествия — это большие катастрофы, лишь случайно умершие в младенчестве». Жена Полуторного всем увлечена, всему учится, все начинает и все бросает: то у нее плимутроки, то разведение цветов, то французский, то пальба из винтовки по мишени — бездна энергии, целая колокольня шума, а по существу — громкое безделье, которое мешает работе мужа; и Левин находит для этой женщины настоящее дело. Он видит все и поспевает всюду. О кухарке своей он размышляет так: «Надо ее подучить и отправить на горку. Что ее держать, зачем тратить ее жизнь на услуги для одного человека? Безобразная вещь!»

И вот, ночью, звонок из Москвы, Левин у провода, говорит Каганович. Это — кульминационный момент рассказа.

«—...А я Каганович. Здравствуйте, товарищ Левин. Вы почему так скоро подошли к аппарату? Когда вы успели одеться? Вы что — не спали?

— Нет, Лазарь Моисеевич, я только пошел спать.

— Пошли только! Люди ложатся спать вечером, а не утром... Слушайте, Эммануил Семенович, если вы искалечите себя на Перегоне, я взыщу, как за порчу тысячи паровозов. Я проверил, когда вы спите, но не делайте из меня вашу няньку».

Далекий, густой и добрый голос умолк на время. Левин стоял безмолвный; он давно любил своего московского собеседника, но никогда никаким образом не мог высказать ему свое чувство непосредственно: все способы были бестактны и неделикатны.

«— В Москве сейчас тоже, наверно, ночь, Лазарь Моисеевич. — тихо произнес Левин. — Там тоже не с утра люди спать ложатся».

...Левин сообщал, как работает станция. Нарком спросил, чем ему надо помочь. Левин не знал вначале, что сказать.

«— Вы уже помогли мне, Лазарь Моисеевич. Я теперь передумаю сам себя заново.»

Так тема о сталинском внимании к людям находит счастливое разрешение в диалоге наркома и Левина, в диалоге, который дан Платоновым с силой уверенного в себе мастера. Нарком сказал: «Человек не должен привыкать даже к самому себе, иначе он помирится со всем миром, а он еще плох... Пишите мне письма или вызывайте к аппарату. Ложитесь спать, будьте здоровы!»

Художественная сила этих слов, вложенных в уста наркома, в том и состоит, что они как бы подкрепляют образ Левина, который мы уже знаем. Этими словами Левин, если можно так выразиться, подытожен. Да, да, Левин, гражданин в фуражке с красным околышем, — мы знали его давно, мы, путешествуя по Союзу, терзали его своими просьбами, мы читали о его успехах в газетах, мы знали его, конечно! Но по-настоящему, как друга, узнали мы его только сейчас, после Платонова.

Мы верим в Левина и знаем, что действительно он «выйдет в свет, в счастье, в настоящую жизнь».

3

Но вот ведь беда: Левин вовсе не герой, если понимать героя как целокупность совершенно безукоризненных высоких и благородных черт. Хотя по делам его этого и не видно, Левин, пожалуй, человек «хроменький».

Посудите сами:

«...Левин, казалось ему, не смог бы никогда жить полноценно. Он себя считал временным, проходящим существом, которое быстро минует в историческом времени».

Хорош герой!

«Сколько еще осталось жизни? Ну, лет двадцать, нет — меньше, надо прожить скорее; ведь неудобно будет в светлом мире, в блестящем обществе существовать такой архаической фигуре: оборот вагона, снижение нормы простоя, коммерческая скорость, график...»

Итак, герой нашего рассказа, только что пообещавший наркому передумать себя заново, ложится в постель, чтобы крепко заснуть — «не для наслаждения покоем, а для завтрашнего дня» — и тут же предается плачевному самоанализу. Оказывается, он — архаическая фигура. Оказывается, под старость он будет слепым дедом, который назойливо бубнит про свою жизнь, и внуки дивятся не его рассказам, а тому, почему он не умирает.

Некоторые из устных критиков, которых довелось слышать (письменных критик читать почти не довелось), решили, что Левин вышел из-под обложек чеховских книг, что он сродни чеховским героям, как их понимала дореволюционная критика. Что он человек ущербленный, сумеречный, тоскущий, этакое ходячее «в Москву, в Москву!» или, в лучшем случае, «мы отдохнем, дядя Ваня, мы отдохнем, мы еще увидим небо в алмазах». Эти критики в своих суждениях опирались на выше мною приведенные самоаналитические строчки, а также на те строчки из рассказа, в которых скупо, но достаточно выразительно говорится о детстве Левина. Детство это было полно унижений и грубых издевательств над еще неокрепшей личностью героя. Это было почти традиционное детство мальчика из бедной еврейской семьи, детство, которое не оставило в душе ни одного солнечного зайчика, а только занозы.

Здесь явное недоразумение. Здесь печальная нерасторопность мысли, привыкшей бегать на корде с фабричной маркой схематизма. Здесь неверие в то, что такой сложный писатель, как Платонов, под воздействием жизни может взять да и передумать себя заново. Что такое? Ведь Левина нельзя посадить на коня, как героя без страха и упрека, и возить по литературным ярмаркам, — он не цельный, он тоже с «тылом», как Ялвак, как Полуторный, как Пирогов!

Именно то обстоятельство, что Левин носит в себе противоречия нашего времени, и делает его подлинным героем рассказа, таким живым, что чувствуешь теплоту его рукопожатия. Он герой не потому, что не имеет душевных из'янов, а потому, что, **несмотря** на них, является передовым человеком нашего времени. Левин в рассказе борется и побеждает. Он дан во внешней и внутренней динамике. В этом настоящая удача Платонова.

Его срыв — в другом. Давая ряд неверных представлений Левина о себе и своем месте в жизни, Платонов никак не вскрывает их ложности. Неверные представления Левина просто фиксированы в рассказе и поэтому как бы непогрешимы. Ибо неопровергнутая ложь имеет силу правдоподобия.

4

Досадный авторский просмотр! Он беднит, снижает сильную и оригинальную вещь, напитанную глубокой мыслью. Нельзя не услышать за этим рассказом свободной походки автора. Жаль, когда эта походка теряет уверенность. Что мешает Платонову? Какие камешки лежат на его дороге? Порою кажется, что он перестает верить в силу своего образа и спешит рассказать о нем обыденными словами, бессовестно разрывающими художественную ткань его слова.

Так сплошь и рядом врываются в рассказ деревянные формулы, декларации. Похоже, Платонов боится не быть понятым до конца и, раздвигая свои образы, как занавес, выносит на просцениум голые формулы замысла. Или он сам, подобно иным критикам, не верит в то, что «передумал себя заново»?

Он-то верит, но он думает, что другие еще не поверили: отсюда художественные срывы на некоторых участках рассказа, отсюда неполная свобода творческой походки.

Здесь есть над чем подумать. Талант Платонова силен и своеобразен. Образ Левина — серьезный вклад в нашу литературу. Можно подумать, что мы слишком забалованы удачами нашей литературы, если последние рассказы Платонова даже почти не отмечены. Так ли? Или мы еще не освободились от плена инерции в оценке явлений литературы?

Платонову, в пору его настоящей писательской потенции, в пору его как бы нового формирования, нужна внимательная критическая помощь, настоящее внимание к творческому человеку. Быть может, излишне взволнованно (что, впрочем для писателя вполне естественно) мне снова хочется поставить этот больной вопрос на конкретном примере платоновских рассказов, в которых нельзя не почувствовать «выхода в свет, в счастье, в настоящую жизнь».

*) «Литературный критик» № 8, 1936 г.

В. ШКЛОВСКИЙ

История одной поездки

Делегация советских писателей поехала от союза в Михайловское в столетие годовщины похорон Пушкина. Святые горы — сейчас они называются Пушкинские горы — районный центр с кирпичными домами, нижние этажи которых сложены из камня-дикаря. На горе стоит церковь. Мы поднимались к этой церкви аллеей из портретов наших писателей. Последними в ряду портретов — портреты Грибоедова и Маяковского. От Маяковского вверх идет крутая каменная лестница.

Памятник над могилой поставлен в 90-х годах.

Этот невысокий мраморный обелиск как будто засунут за церковь.

Это очень глухое место, здесь поэт не был сразу похоронен в земле: его засыпали снегом до весны потому, что в том году промерзла земля, а люди торопились скорее спрятать ссыльное тело.

С высокой горы видны километров на 30 леса, поля, опять леса и так до самой границы.

Пушкин лежит на границе Советского Союза, и место, где мы были,— пограничное место.

Едем в Михайловское.

Место, где жил Пушкин, охраняется его именем.

Там стоит лес, который вырос, как в сказке спящей красавицы, вырос и окружил его имя шумящим могучим венком.

Там нет охраны, но в этом году порубки не было, хотя лес входит глубокими мысами в колхозные поля.

Сосны такие большие, что автомобили, оставленные внизу, казались маленькими, как детские кубики.

За соснами стоят рядом и ганнибаловские ели в два обхвата.

Они еще выше.

Вокруг них — вековая поросль. За аллеей площадка, налево домик няни.

Новое здание музея над обрывом. С обрыва видны река Сороть, обозначенная проталиной, покрытые снегом озера, вдали — ветряная мельница с прозрачными зимой крыльями.

Здесь, на этих пограничных местах, имя Пушкина, как огневая точка, охраняет нашу границу.

Был митинг.

Не все мы умеем говорить речи, а те, которые умеют говорить, обыкновенно говорят долго.

Но люди пришли. Колхозники. Тысяч 10—12 крестьян на этом скате, спускающемся к реке Сороть.

Приехало 300 троек. Некоторые проехали 50, другие 25—30 километров. Они долго ехали мимо нас, разно убранные... убранные в цвет тех плакатов, которые на них висели. Ехали колхозники, стахановцы-маляковцы на свое пушкинское торжество, и у каждой тройки были свои украшения и свой бег. Люди сидели гордо. Они имели на это право, потому что они хорошо работали: ехать в пушкинских местах, в пушкинский день, на своей колхозной тройке!

Они мчались, как свадьба.

А дальше, совсем в снегу, еще красивее были тройки, которые бежали вдали через пушкинское озеро в просторной русской зиме.

Затем сказали, что будет парад пушкинских героев.

Было холодно, особенно потому, что долго говорили речи, предназначенные для теплого помещения.

Маскарадные костюмы были надеты на теплое.

Но вот поехали пугачевцы.

Ехал на ковровых санях одетый Пугачевым, с белизной в бороде человек, который торжествовал, который чувствовал себя хозяином, колхозником, победителем. Рядом с ним — конная бригада генералов с голубыми лентами через плечо. Ехали крестьяне с крестьянской посадкой на лошадях, ехали с пиками, которые они держали так, как никогда не будет держать актер.

Это — отряд осоавиахимовцев.

Это было колхозное войско, которое может держать границу в помощь пограничникам. Сзади них ехали переодетые в полосатые халаты башкирцами колхозники с луками за плечами.

Сзади них очень красивая кибитка из расписной крашенины и там красивая девушка — Маша Миронова со своим женихом.

Это ехала капитанская дочка.

Пугачевское восстание, его сила и его гуманизм были так понятны. Ведь нельзя же оставить Машу Миронову. Надо взять ее с собой, чтобы ее не обидели. Народ понимает Пушкина целиком.

И вдруг показался Чапаев. Это был национальный праздник, и он никак не мог обойтись без Чапаева. Чапаев ехал сзади Пугачева с пулеметом, и он был очень на себя похож. Они проехали мимо нас три раза.

Это было совершенно замечательно. К сожалению, это было под вечер, и кино не засняло.

Это — настоящее понимание Пушкина, полноценное и современное понимание.

Потом читал свои стихи т. Иванов, местный школьник.

Пушкин был дома.

Вот товарищи, какой жизнью мы уже живем.

Ведь нельзя же только про себя думать, если про себя думать — сердце ослабнет. Пушкин ты или не Пушкин, Лермонтов или не Лермонтов — ведь, не так живут люди. Пока не перестанешь только о себе думать — стихи не будут выходить. Такая простая вещь, а не все еще это поняли. Не поняли еще и того, что нельзя себя беречь.

Нужно жить не только для себя и бороться упорно за счастье родины.

Разбиты декабристы. Пушкин в «Литературной газете» печатает без подписи стихотворение «Арион» и пишет:

Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец,
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

С громадным усилием он добивается, чтобы ему разрешили «Современник».

Он продолжает свой бой. Он продолжает настаивать, он дерется, и он не дает себе уставать. Он дрался один. Мы счастливее, мы вместе со своим народом боремся за общее счастье. Разве писатель имеет право устать? Разве нет второго дыхания— вдохновения, разве можно сказать— я устал, когда история не кончилась и ее нужно продолжать? Пушкин умел не уставать.

Пушкин издает «Современник». Прежде всего, он собирает людей. У него есть возможность печатать переводные вещи. Вместо этого он воспитывает людей, заставляет их работать, больше знать. Он печатает систематически статьи, в которых говорится о стране, он знает страну, он печатает стенограммы и так и называет это слово «стенограмма», он воспитывает нового читателя. Пушкин в окружении людей, ему не верящих, подготовляет русскую литературу на десятилетия вперед.

Такую работу, работу по созданию нового типа писателя мы видели только у Горького. Писатель должен знать, должен учиться.

Что об этом писал Гоголь? Гоголь писал так:

«Пушкин — явление чрезвычайное. Это русский человек, такой, каким он будет через 200 лет».

Умирал Пушкин. Около него сидел Даль и говорил:

— Тяжело, ну, что ж, надо терпеть! Стони, тебе будет легче.

Тогда Пушкин ему ответил:

— Нет пользы стонать, такая малость не может меня пересилить, это смешно было бы.

Я не сравниваю таланты.

Умирает Островский. Он очнулся и спрашивает врача:

— Я стонал?

Тот отвечает:

— Нет.

— Это хорошо. Значит, это не может меня пересилить.

Это люди одной крови. Это дети великого народа, это бойцы, которых ничто не может пересилить. Это писатели народа, который должен побеждать. **(Аплодисменты).**

Это племя уже гениально!

Мужество входит в мастерство. Будем гордиться тем, что у нас было такое прошлое и что мы его достойны. **(Аплодисменты).**

Речь на IV пленуме правления ССП.

Митинг в селе Михайловском на месте закладки памятника А. С. Пушкину (у колхоза «Бугрово»).

Около двух лет тому назад, по инициативе Алексея Максимовича Горького и по решению Совнаркома, ССП СССР приступил к строительству большого девятиэтажного **дома для советских писателей в Лаврушинском переулке в Москве.**

В настоящее время строительство дома подходит к концу.

В первом его этаже будут размещены учреждения (Комитет по делам авторского права и др.), в остальных восьми — 64 квартиры для писателей. Две секции (32 квартиры) этого дома уже закончены, и 10 февраля в них вселились первые жильцы. Две оставшиеся секции по постановлению Совнаркома должны быть окончены к 15 апреля.

Правление ССП СССР и писательская общественность активно содействовали успешному ходу работы.

К сожалению, совет жен писателей по сей день остается в стороне, хотя здесь для них непочатый край дела — организация целого ряда культурно-бытовых и санитарных учреждений для писателей и их детей.

«ЗЕМЛЯ»

Пьеса Н. Вирта

Н. Вирта, автор романа «Одиночество», написал пьесу «Земля».

Идея пьесы — разгром эксплоататорской собственности, на которой, по выражению одного из героев пьесы, «мир испокон веков держался».

Две силы участвуют в этой борьбе — представители эксплоататорского класса, кулачества в образах Петра Сторожева, Антонова и Сафонова, с одной стороны, и с другой — партия Ленина—Сталина и среднее и бедное крестьянство в образах Листрата, Фрола и Андрея. Фоном событий, развертывающихся в пьесе, служит антоновское восстание в Тамбовской губернии.

«Земля» отнюдь не инсценировка «Одиночества».

Это — самостоятельное литературное произведение, в котором использованы мотивы романа, весьма незначительная часть его текстового материала и некоторые внешние ситуации.

«Земля» принята к постановке Московским Художественным театром, которому Н. Вирта, по его собственному утверждению, целиком обязан созданием своей первой серьезной драматургической работы.

— Еще в 1936 году,— рассказывает Н. Вирта,— Вл. Ив. Немирович-Данченко перед от'ездом за границу долго беседовал со мной по поводу переделки романа «Одиночество» в пьесу. Оба мы были противниками инсценировки, и вопрос остался нерешенным. По возвращении из-за границы Владимира Ивановича разговоры о пьесе возобновились. Одна из бесед настолько взволновала и окрылила меня, что в тот же вечер я в течение трех часов написал первый акт трагедии, который понравился руководству театра, и я решил приступить к серьезной работе. Я горжусь тем, что благодаря своей пьесе вошел в этот замечательный коллектив, который несомненно окажет огромное влияние на всю мою дальнейшую работу.

Постановку «Земли» в МХАТ СССР им Горького взяли на себя народный артист СССР Л. М. Леонидов и М Горчаков.

В ближайшие дни начнутся репетиции пьесы, первое представление которой предполагается в октябре-ноябре текущего года.

Открытие выставки народного творчества

7 марта в залах Государственной Третьяковской галлереи открылась организованная Всесоюзным комитетом по делам искусств большая выставка народного творчества. Выставка состоит из шести отделов. В отделе художественной резьбы по дереву представлены работы мастеров Загорска, Богородска, Абрамцева, Кудрина, Горьковского и Северного краев.

В следующем разделе показана роспись по дереву хохломских мастеров, семеновская игрушка, загорская и богородская резная игрушка, работа горьковских красильщиков дерева.

Третий отдел отведен для экспонатов резьбы по кости. Рядом с работами чукотских мастеров XIX века представлены произведения современных художников этого края. Молодой чукотский мастер Вуквола сделал для выставки портал «Отчет председателя колхоза», воспроизводящий в пластмассе чукотскую гравюру на кости. На стенах зала развешаны рисунки чукотских мастеров. Здесь же показана резьба по кости мастеров Холмогорского и Тобольского районов.

Широко представлено на выставке искусство трех художественных центров Ивановской области — Палеха, Мстеры и Холуя. Показаны палехские лакированные ларцы и табакерки с художественными изображениями.

Всего на выставке представлено две с половиной тысячи экспонатов.

Выставка привлекла к себе большое внимание представителей театральной и художественной общественности Москвы.

СТИФ

Выставка работ В. И. Баженова

В связи с 200-летием со дня рождения (1737—1937) крупнейшего русского зодчего Василия Ивановича Баженова, 14 марта в Музее изобразительных искусств им. Пушкина открывается выставка его произведений.

В совершенстве овладев богатой техникой западноевропейской архитектуры, В. И. Баженов не только поднял русскую архитектуру до уровня европейского мастерства, но и внес в нее много самостоятельного, самобытного.

По проекту Баженова построен ряд замечательных зданий, находящихся в различных городах Советского Союза. Среди них — московский дом Пашкова, в котором находится ныне библиотека имени Ленина, старый арсенал на Литейном и Михайловский замок в Ленинграде, и многие другие.

В. И. Баженовым составлен грандиозный проект архитектурной реконструкции московского Кремля. По этому проекту им создана модель, отдельные части которой в реставрированном виде будут представлены на выставке.

Литературная газета № 13 (649)

Антология азербайджанской поэзии

3 марта тов. Ставский провел совещание по вопросу о создании антологии азербайджанской поэзии.

Присутствовали представители ССП Азербайджана — поэт-орденоносец Самед Вургун, председатель ССП Азербайджана т. Шамилов и т. Алекберли, московские поэты В. Луговской, М. Светлов, П. Антокольский и др.

С. Вургун сообщил о работе над антологией, издание которой намечено Гослитиздатом к 20-летию Великой Октябрьской революции. В антологию будет включена классическая азербайджанская поэзия с XIII по XX век, которая будет представлена поэтами Насими, Физули, Вагиф, Вазех, Закир, М Фет-Ахундов, Сабир и др., народный эпос, поэзия азербайджанских ашугов и современные поэты советского Азербайджана: орденоносец С. Вургун, С Рустам, Мюшфик, Гуссейн, Джавид, М. Ратим и др.

Размер антологии— 15 000 строк.

Над переводами для антологии работает бригада в составе В. Луговского, М. Светлова, А. Адалис, Н. Асеева, В. Державина, Н. Бродского.

Поэты обменялись мнениями о своей работе над переводами.

Дополнительно к работе над переводами, по предложению т. Ставского, будут привлечены П. Антокольский, Б. Брик, Б Пастернак. В. Бугаевский, Н. Панченко. Новая бригада выедет для работы в Баку.

Факт отсутствия на совещании представителя Гослитиздата свидетельствует о слабой заинтересованности издательства этой большой и нужной работой.

Пушкинский номер «Молодой гвардии»

Вышел в свет **пушкинский номер** журнала **«Молодая гвардия».** В номере помещены избранные стихотворения **Пушкина,** статьи **Н. Г. Чернышевского, В. Кирпотина, Ф. Раскольникова** и др. Значительный интерес представляют высказывания знатных людей нашей страны на тему — **«За что мы любим Пушкина».**

В отделе прозы — четыре ранних рассказа **М. Горького,** сорок лет тому назад напечатанные в «Самарской газете» и впоследствии нигде не опубликованные, «Дневник парашютистки» **Любови Берлин,** роман **Жоржетты Дрейфус** «Жизнь на палубе» и рассказ **Анны Караваевой** «Память».

Журнал продолжает помещать новые материалы о писателе Николае Островском.

В номере напечатаны: поэма **А. Безыменского,** стихи **Вл. Луговского** и **В. Поповой,** а также статьи **Ем. Ярославского, Г. Ленобля и Д. Родионовича.**

На вечере жен писателей

8 марта в Доме советского писателя состоялся торжественный вечер, посвященный Международному коммунистическому женскому дню.

С докладом о значении Международного коммунистического женского дня выступила писательница В. А. Герасимова.

После доклада состоялся торжественный выпуск жен писателей—значкисток ГСО и ворошиловских стрелков. Новых значкисток тепло приветствовал писатель-орденоносец Вс. Вишневский. С ответным словом выступила т. Вишневецкая — жена Вс. Вишневского.

От имени коллектива жен писателей ворошиловский стрелок т. Вишневецкая дала обязательство систематически повышать знания в области военного дела.

В концертной программе, составленной силами жен писателей, приняли участие Погодина, с большим успехом исполнившая русские народные песни, Волькенштейн, Иванова, Зозуля, Френкель.

Со своими стихами, посвященными советской женщине, выступила писательница Вера Инбер.

От Института мировой литературы имени А. М. Горького

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, выполняя постановление правительства, приступил к организации Музея и Архива М. Горького.

Согласно постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 14 февраля 1937 г. «Об Архиве и Музее А. М. Горького», п. 3: «Все находящиеся в государственных учреждениях и организациях подлинные и документальные материалы, как-то: рукописи и письма М. Горького, цензурные экземпляры произведений А. М. Горького, рукописи других авторов с правкой А. М. Горького» должны быть переданы в Институт литературы для Архива А. М. Горького.

Одновременно Институт обращается к лицам, имеющим рукописи, автографы, письма А. М. Горького, правленные им рукописи, фотографии, иллюстрации, редкие и старые издания и др материалы об А. М. Горьком, с просьбой передать их Институту на условиях взаимной договоренности (дар, приобретение, передача на условиях и пр.).

По всем вопросам, связанным с передачей материалов, следует обращаться по адресу: Москва, Москворецкая ул., 11, Институт мировой литературы им. А. М. Горького.

ДИРЕКЦИЯ

Письма в редакцию

Флорентийский ваятель Бенвенуто Челлини, обладая многими прекрасными качествами, отличался, как известно, кичливой заносчивостью и самомнением.

Обращаясь к некоему майордому, Челлини говорил о себе:

— Такие, как я, достойны беседовать с папами и императорами и с великими королями; таких, как я, ходит, может быть, один на свете..

Челлини явно переборщил. В его время были художники и покрупнее.

Странно, что т. Фадеев в речи на пушкинском пленуме ССП на ряду с упоминанием о Бенвенуто Челлини в качестве примера высшего эстетического мерила скромно привел... самого себя, а низшими безапелляционно об'явил нас, поэтов Жарова и Алтаузена.

Мы не оспариваем права т. Фадеева выбирать для себя эстетические критерии. Пусть он также не обижается, если некоторые из наших писателей предпочтут творчески равняться не на него, а, скажем, на Пушкина или на Л. Толстого, или, к примеру, на таких современников, как Шолохов и Ник. Островский.

Нас удивляет только барское пренебрежение т. Фадеева к «низшей», с его точки зрения, категории писателей, с которыми ему будто бы не о чем разговаривать «в плане искусства».

Не знаем, какие литературные «папы и императоры» достойны беседы т. Фадеева, но думаем, что разговаривать о советских писателях вышеприведенным тоном несравненного Бенвенуто Челлини ему, одному из руководителей союза писателей, вовсе не к лицу.

У нас есть свои творческие слабости и недостатки. Никому не возбраняется их критиковать, обсуждать. Просим об этом и т. Фадеева. Его обязанность—помочь нам преодолевать наши недостатки, помочь совершенствоваться.

Тов. Фадеев же предпочитает высокомерно отворачиваться и не разговаривать «в плане искусства».

Странное для руководителя представление о воспитании

А. ЖАРОВ
Д. АЛТАУЗЕН

В № 10 «Литературной газеты» напечатана стенограмма выступления тов. В. Ставского на совещании оборонных писателей

В этой стенограмме есть абзац, содержащий резкий выпад против моей критической работы.

В виду того, что никогда и нигде ни письменно, ни устно я не высказывал мысли, которую мне приписывает тов. Ставский, считаю нужным раз'яснить, что весь этот инцидент основан на чистейшем недоразумении.

И. САЦ

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-66-18 и 5-51-69.

А. СТАРЦЕВ

«Художества» и переводы

Искусство художественного перевода сделало у нас в последние годы такие значительные успехи, что поражают читателя не отличные переводы, появляющиеся десятками, а дурные, приковывающие внимание как раз своей исключительностью.

К сожалению, в такой неблагодарной роли выступает только что вышедшая в Ленинграде, в издательстве «Художественная литература», книга избранных стихов Киплинга (в переводах Г. Фиша, А. Оношкович-Яцына, Е. Полонской и других под редакцией В. Стенича). Недостатки этой книги столь безобразны, что никакие частные достоинства, которые, нужно думать, в ней имеются, не могут ее приукрасить.

Ряд важнейших стихов сборника содержит нелепые искажения текста подлинника. В некоторых случаях это происходит по незнанию английского языка, в других — потому, что переводчики, повидимому, не имеют призвания переводить стихи, в иных — просто так, без основания. Например, для того, чтобы перевести киплинговское (в «Мэри Глостер») «упрямый шотландский бездельник» как «старый (!) ирландский (!!) шакал (!!!)» не могло быть никакого повода. Нужно было просто обладать долей бесстыдства и твердо уповать на редакторское благодушие.

Образцом ошибочного перевода из-за непонимания текста может служить и знаменитый «Холерный лагерь». Здесь абсурдные ошибки переводчика мелькают в каждой строфе. Их долго перечислять. Для читателя, знакомого с английским текстом, они составляют, так сказать, добавочный лейтмотив в стихотворении, служащий источником разнообразных и неожиданных эффектов.

Подобные ошибки имеются в «Томми», в «Балладе о Боливаре», в «Стихах о трех котиколовах», скажем прямо, во всех стихах, которые мы, озадаченные несообразностями в тексте, сличили с подлинником. Может быть, нам не повезло, и мы напали на худшие переводы в сборнике? Но ведь это **лучшие** стихи Киплинга...

Есть случаи, когда текст у Киплинга ясен до прозрачности, и причиной непозволительных изменений служат, скажем... поиски рифмы.

У Киплинга сказано: «девчонки фыркали и хохотали до упаду» («Томми»); у переводчика: «девчонки хихикали шипя (!)». У Киплинга описано ранение «на ладонь выше колена» («Стихи о трех котиколовах»); у переводчика — «пуля ударила Тома в пах (!)».

Мы не являемся ревнителями буквального перевода, в особенности в стихах, но, очевидно, «вольности» должны иметь предел.

«Баллада о Востоке и Западе» открывается и заключается у Киплинга известным четверостишием, вошедшим в поговорку. В сборнике перевод его таков:

О, Запад есть Запад, Восток есть
Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей
на страшный господень суд.

У Киплинга сказано, что Запад и Восток «никогда **не встретятся»,** пока и т д.. Это утверждение имеет у Киплинга важное принципиальное значение. Переводчик, видимо рассудил, что, не сойдя с места, Запад и Восток встретиться не смогут. Читатель, со своей стороны, вправе возразить, что сойти с места далеко не то же, что встретиться. Словом, эти две строки в переводе требуют специального «талмудического» комментария.

Следующие две строки:

«Но нет Востока и Запада нет, что
— племя, родина, род.
Если сильный с сильным лицом к
лицу у края земли встает?»

У Киплинга сказано ясно: «Если сильный встречается с сильным, хотя бы они были с разных концов земли» (то-есть с Запада и Востока). Эти два стиха развивают мысль двух предыдущих. В переводе же полная чушь («у края земли»), которую не распутает никакой комментарий.

Пожалуй было бы лучше то, что не удавалось перевести в стихах, переводить честной прозой. Содержание при этом безусловно выиграло бы. Да и не только содержание.

«Стихи о трех котиколовах» представляют вершину поэтического мастерства Киплинга. Между тем, в переводе читаем:

«Но жены наши любят мех, есть
деньги у них, и вот
Шхуны в морях, запретных для
всех, рискуют из года в год».

Немного дальше:

«У поручней стоял Том Холл, сказал: «Твое слово вот:
Власть божья и людская власть —
до пятидесятых широт».

Еще немного дальше:

«Хрипя, Том Холл свалился, за
шкоты цепляясь, и вот:
Руб, подожди, — он молвил, — нас
дьявол вместе зовет».

Славные стихи, нечего сказать! Можно подумать, что Киплинг был слагателем косноязычных виршей, а не крупнейшим мастером английского стиха. Заверяем читателя, что в английском тексте никаких «вот» не имеется. Мы не утверждаем, что все стихи в сборнике так же топорны, но, с другой стороны, приведенные строфы (достаточно плохие) еще не самые худшие. В «Томми», например, есть такие выразительные стихи:

«Ну да, оплевывать мундир, что ваш
покой блюдет,
Гораздо легче, чем надеть его на
свой живот...».

А «Условие Мультолланда» открывается несравненным двустишием:

«Был ужас среди скотины нашего
корабля.
На нижней палубе рухнул загон,
всем свободу суля...»

В переводе «Мэри Глостер» имеется следующая строка:

«Он жил за счет сэра Антони и
сердце сэра разбил»...

Переводчик не подозревает, что английское «сэр», отрываясь от имени собственного, меняет свое значение, и что он вложил в уста умирающего комичную чепуху.

В последних примерах нет вопиющего вранья, здесь не написано «ирландский» вместо «шотландский», но этого рода искажения стихов едва ли простительнее.

Корней Чуковский в своей книге «Искусство перевода» приводит по сходному поводу убедительную иллюстрацию. Некто перевел пятистишье из «Полтавы», начинающееся словами «Богат и славен Кочубей...», сперва на немецкий, а затем снова на русский Вот оно:

Был Кочубей богат и горд,
Его поля обширны были,
И очень много конских морд,
Мехов, сатина первый сорт
Его потребностям служили.

К. Чуковский по поводу этих стихов замечает, что «хотя переводчик аккуратно скопировал подлинник, хотя кони у него так и остались конями, меха — мехами, Кочубей — Кочубеем, для всякого, кто не совсем равнодушен к поэзии, это перевод криминальный, ибо здесь Пушкин подменен капитаном Лебядкиным».

Киплинг, конечно, не Пушкин и не каждое слово у него поэтически весомо. Тем не менее, при самом снисходительном подходе оценка рецензируемых переводов может быть только одна: они **некультурны.**

В заключение укажем, что предпосланное сборнику предисловие Р. Миллер-Будницкой, на наш взгляд, неправильно ориентирует читателя.

Автор предисловия полагает, что творчество Киплинга представляет главный интерес как образчик реакционной идеологии, «высокохудожественное воплощение идей и настроений нашего врага».

Киплинг был оруженосцем британского империализма, это всем известно.

Однако каждому ясно, что охарактеризовать «Книгу Джунглей» как «проповедь варварства» и «апологию империалистического хищничества» значит выпятить в знаменитой книге наименее значительное, плоское, ничтожное, грошевую тенденцию и отдать ей главенство перед живой поэтической фантазией, которая составляет сущность «Маугли».

Мы не будем поднимать здесь спорные вопросы об относительной ценности различных элементов в творчестве Киплинга. Кое-что, однако, бесспорно.

В творчестве Киплинга присутствует поэтическая тема, поэзия испытаний и человеческого мужества, природы и вольного духа странствий. Это есть то, что представляет для нас в Киплинге **главный интерес.**

Эта поэзия испоганена, в разной мере в разных своих частях, реакционной идеологией.

Иные вещи Киплинга, — и таких немало, — омерзительны советскому читателю и лишены какого бы то ни было поэтического содержания. Их не следовало вообще печатать в сборнике; империалистическую идеологию всех степеней «художественности» лучше изучать по специальным работам, а не по книжкам стихов.

Мы имеем здесь в виду стихи типа «Марша шпионов» и игриво-циничного «Фуззи Вуззи».

Реакционные идеи Киплинга следует всячески разоблачать. В той мере, в какой предисловие выполняет эту задачу, оно ценно и интересно

Полагать же, что главный интерес для читателя и для поэзии имеют как раз наиболее испоганенные стихи, потому что они являются «достижением поэзии западного империализма», значит заниматься «социологическими» парадоксами довольно сомнительного свойства.

Уполномоч. Главлита В—26113. Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.